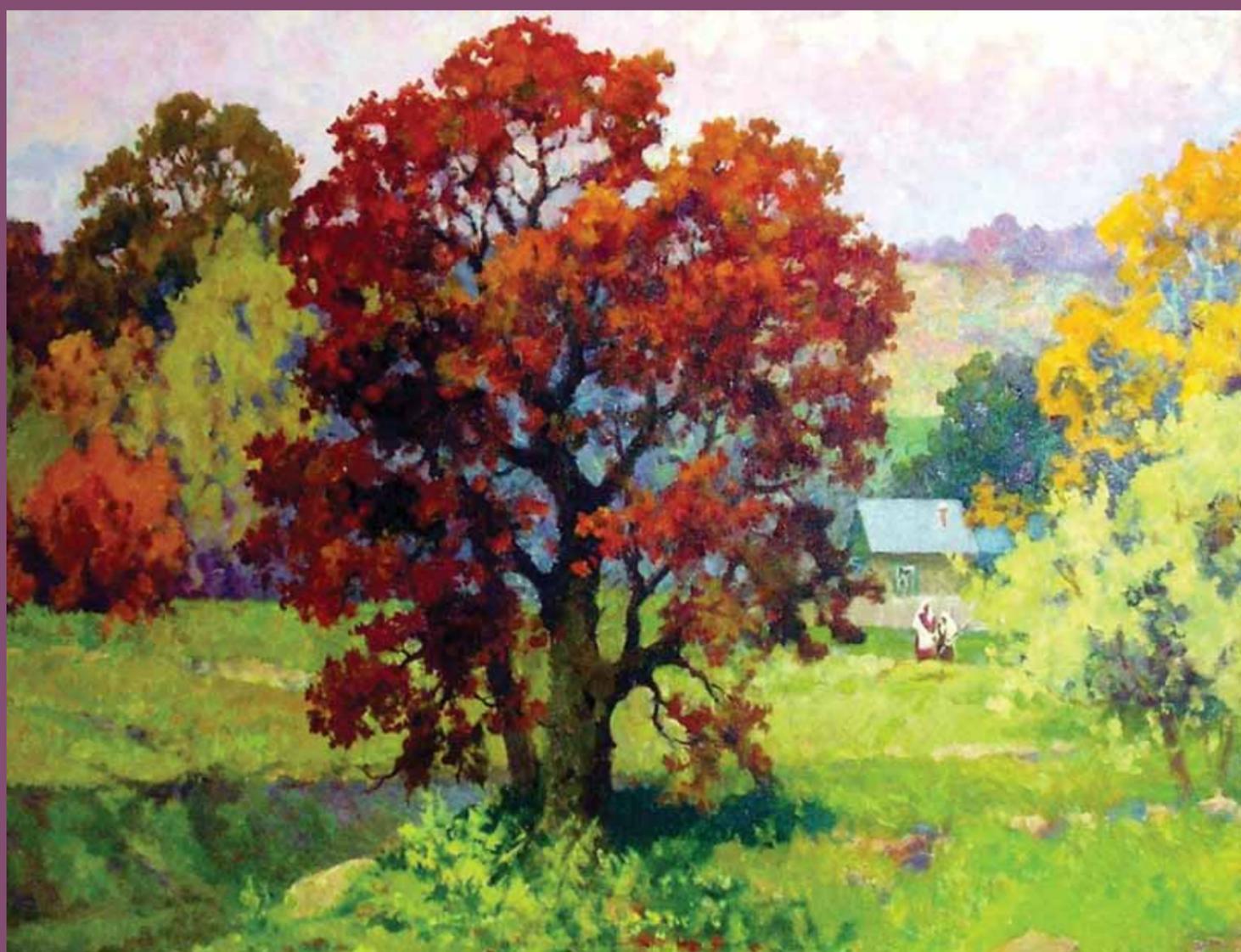

ТАТАРСКИЙ МИР

№ 9 (6428) 2019 ДӨНЬЯСЫ

«Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть»
Из договора между князем Владимиром и предками татар – болгарам в 985 году («Повесть временных лет»)

Худ. Махмут Усманов "Деревенский пейзаж"

Мягкий тембр
и редкое
обаяние

с. 8

Это мой
первый
рассказ

с. 12-13

Идем на солнце...

с. 3

Корни нашего
единства

с. 4

Детективная
история
исследований

с. 14

Роберт Ахметжанов

Снова осень. Огненные листья
оппадают в синие пруды.
Летнею мечтою лист ложится
слушать всплески стынущей воды.

Осень на полянах разгулялась,
снова разговоры завела,
чтобы ветры приутихли малость
и последней молния была.

А когда раздался в поднебесье
отзвук летней песни заревой —
вышел дуб навстречу этой песне,
желтою мотая головой.

Изумился дуб родным просторам,
и опять припомнилось ему
лето отшумевшее, в котором
эта песня снилась самому.

Перевод В. Бояринова

КАЗАНЬ

С представителями российской сборной – участниками 45-го мирового чемпионата по профессиональному мастерству по стандартам WorldSkills, успешно прошедшего в Казани, встретился Президент России Владимир Путин.

Встреча прошла по окончании церемонии закрытия 45-го мирового чемпионата на стадионе «Казань Арена». Россию представляли 63 конкурсанта: 14 девушек и 49 юношей в возрасте от 18 до 25 лет. Это представители Архангельской, Брянской, Волгоградской, Воронежской, Костромской, Курганской, Ленинградской, Липецкой, Новосибирской, Оренбургской, Орловской, Рязанской, Самарской, Свердловской, Тульской, Тюменской, Ульяновской, Челябинской и Ярославской областей, Краснодарского и Красноярского краев, Башкортостана и Татарстана, Чувашской Республики, Москвы.

«Хочу сказать, что вы – молодцы, – сказал Владимир Путин, обращаясь к представителям российской сборной. – Я только что разговаривал с руководством WorldSkills International, они в восторге. Не только от организации соревнований, но и от результатов работы нашей команды. Результаты очень хорошие, скачок заметный по сравнению с предыдущими соревнованиями такого уровня. Причем практически по всем компетенциям. Мы вами гордимся! Думаю, что и для вас самих это – большие качественные изменения и в жизни, и в профессиональной карьере».

По словам Владимира Путина, на своих рабочих местах все участники соревнований WorldSkills смогут показать, что это такое участие в WorldSkills, что эти медали не случайные, что они заработаны талантом, трудом и трудолюбием и, главное, желанием доказать, что в любом деле есть такие компетенции, которые являются высшими достижениями в профессии. «Вы и есть яркое подтверждение этому», – сказал Президент России, обращаясь к ребятам.

Владимир Путин поблагодарил организаторов соревнований. «Казань сделала все, что было нужно, чтобы создать условия для проведения соревнований, для всех участников, – сказал он. – Это тоже наше достижение, наша компетенция. И, конечно, нельзя забывать и про наставников, про тренеров, которые заслуживают самых высоких оценок и обеспечили ваше движение к успеху».

В Национальной художественной галерее «Хазинэ» открылась персональная выставка скульптора из Перми Альфица Сабирова «Аю бала». Работы лауреата премии Министерства культуры РТ имени Баки Урманче погружают гостей выставки в мир мифологических традиций татарского народа. Слоган выставки – «От предков – к потомкам». Перед зрителями представлены образы хтонических гигантов, мифических животных, героев и божеств, способных помочь людям осознать «парадоксы бытия: взаимоотношения между любовью и ненавистью, хаосом и космосом, жизнью и смертью, древним и новым», отмечают организаторы экспозиции. Эту идею отражают скульптуры «Маленький воин», «Мальчик с мечом», «Сидящая», «Принцесса», «Рождение Героя» и многие другие. Выставка организована при поддержке Министерства культуры РТ и Фонда Марджани.

МОСКВА

Татарский культурный центр г. Москвы посетили преподаватели и студенты Университета Долины Юта (США). Председатель Татарской национально-культурной автономии г. Москвы Ф.Ф. Фарисов провёл для гостей экскурсию по историческому зданию в Малом Татарском переулке, рассказал об истории дома и

деятельности организации. Гости отметили особую атмосферу татарского дома и были впечатлены национальной кухней.

Целью визита делегации в нашу страну является ознакомление с образом жизни россиян, культурой, обычаями, в том числе татарского народа. Ранее в сопровождении академика РАЕН И.Р. Утямышева и его супруги, поэтессы Гульнары, гости посетили МГУ, РГГУ, РАЕН, полпредство Республики Татарстан в РФ. Также состоялась встреча в Институте океанологии с членом Совета РОО-ТНКА г. Москвы академиком Робертом Искандеровичем Нигматуллиным.

4 сентября 2019 года в Москве открылось одно из самых ярких книжных событий года – Московская международная книжная выставка-ярмарка. Ежегодно на выставке свою продукцию представляет Татарское книжное издательство.

Среди многочисленных посетителей стенда Татарского книжного издательства был и Заместитель Премьер-министра Республики Татарстан – полномочный представитель Республики Татарстан в РФ Равиль Ахметшин. Представители «Таткнигоиздата» гостям рассказали о представленных изданиях, познакомили с новинками, поблагодарили за поддержку, в том числе информационную. «Узнав о предстоящей выставке, некоторые москвичи – постоянные посетители стенда нашего издательства заранее сделали заказ на определенные книги», – отметила Зульфира Хамадиярова.

Всего татарстанцы экспонировали более 300 наименований книг. Были представлены книги на русском и татарском языках, словари, справочники, подарочные и сувенирные издания, художественная и красочная детская литература.

Жителям столицы и всей России предложили признать в любви Москве и стать участниками посвященной предстоящему дню города всенародной акции «Пою мою Москву». Она стартовала в первый день осени и продлится до 25 сентября.

В течение этого времени каждый желающий вне зависимости от возраста и профессии сможет признать в любви к столице нашей Родины.

Принять участие в акции совсем просто. Нужно записать видео с любимыми стихами или прозой о столице. Это могут быть произведения известных авторов или собственного сочинения. Затем ролики необходимо выложить на своей странице или странице акции в соцсетях с хештегами #ПоюМоюМоскву #всенароднаяакция #проявисьебя #конкурсцев #стихиипрозаомоскве, а можно прислать видео на электронную почту moscowabout@mail.ru. Также необходимо указать при публикации своего видео имя и фамилию, свою возрастную категорию (0+ или 18+), автора и название стихотворения или отрывка из прозы.

Акцию уже поддержали известные артисты, политики, общественные деятели.

Авторов самых искренних признаний выберет жюри, в состав которого вошли руководитель Департамента национальной политики и межрегиональных связей города Москвы Виталий Сучков, руководитель Федерального агентства по делам национальностей Игорь Баринев, ректор ГИТИСа Григорий Заславский, ректор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина Маргарита Русецкая, спецпредставитель Президента России по международному культурному сотрудничеству Михаил Швыдкой, актриса Елена Скороходова, актер Эвклид Кюрдзидис, генеральный директор Центрального музея современной истории России Ирина Великанова и другие.

Церемония награждения пройдет в Москве 3 октября.

Страницы акции #ПоюМоюМоскву в соцсетях:

<https://vk.com/moscowabout>

<https://www.facebook.com/moscowabout>

<https://instagram.com/moscowabout>

Признайся в любви к городу! Прими участие во всенародной акции #ПоюМоюМоскву!

ЛЮБЛЯНА

Золотые медали из Словении увозят казанский лицеист Булат Харисов и челябинец Даниил Клиш, серебряно-московичей Николая Павлека и Дмитрия Галатенко. Всего в олимпиаде участвовали 86 программистов из Армении, Азербайджана, Бельгии, Болгарии, Хорватии, Кипра, Эстонии, Франции, Грузии, Греции, Венгрии, Латвии, Литвы, Молдовы, Северной Македонии, Польши, Румынии, России, Сербии, Словакии, Словении, Турции и Украины. Сборную России к соревнованиям подготовил Университет Иннополис.

Чтобы попасть в их число, школьникам нужно было успешно выступить в заключительном или региональном этапе Всероссийской олимпиады школьников по информатике и на первой всероссийской олимпиаде по информатике им. М. Келдыша. С олимпиадниками занимались преподаватели, чьи ученики побеждали на соревнованиях, и сами школьники-медалисты.

Соревнование программистов в возрасте до 15 лет проводится по правилам Международной олимпиады по информатике. Она включает в себя пробный и два основных тура, в рамках которых предстоит решить задачи на языке C++ или Java. К участию приглашены команды стран-членов Совета Европы. Каждую команду представляют 2 руководителя и 4 школьника, которые отбираются по результатам национальных соревнований.

Память

2 сентября на 80-м году жизни в Москве скончалась Валерия Иман Порохова (1940-2019), чей перевод на русский язык смыслов аятов Корана в поэтической форме с 1989 года обрел массового читателя и стал важной частью интеллектуальной жизни России. Как отмечалось в словах прощания, именно перевод Пороховой приобщил многих людей к исламу, позволил узнать содержание священной книги мусульман. Родившаяся в русской семье с дворянскими корнями, Валерия Порохова в 1985 году приняла ислам и новое имя «Иман», продолжительное время жила в Дамаске. Вернувшись в Россию, активно занималась общественной деятельностью, часто выступала в СМИ, пользовалась авторитетом и среди московских татар. Соболезнование семье Валерии Пороховой выразил муфтий Равиль Гайнутдин. Дженаза-намаз по Валерии Пороховой был совершен в Московской Соборной мечети, похороны прошли на Хованском кладбище в Москве.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ!

Первый заместитель председателя Совета муфтиев России и Духовного управления мусульман Российской Федерации, руководитель аппарата Совета муфтиев России, председатель Духовного управления мусульман Московской области и заместитель председателя Татарской национально-культурной автономии г. Москвы **Рушан хазрат Аббясов** награжден Почетной грамотой Правительства Москвы. Награду Рушану хазрату Аббясову в торжественной атмосфере вручил заместитель Мэра Москвы **Александр Николаевич Горбенко** и пожелал ему дальнейших успехов в работе во благо жителей нашей многонациональной столицы.

Таким его воспитали

Утром 15 августа в Подмосковье совершил экстренную посадку авиалайнер А321 компании «Уральские авиалинии», следовавший по маршруту Москва-Симферополь. Аэробус, на борту которого находилось более 230 человека, на взлете в аэропорту Жуковский столкнулся со стаей птиц. Они попали в двигатели. Один из них загорелся, второй потерял тягу. Командир экипажа Дамир Юсупов и второй пилот Георгий Мурзин посадили самолет с отключенными двигателями, полными баками горючего и убранными шасси прямо на кукурузном поле. Людей эвакуировали из салона по надутым трапам. Все до единого пассажира и члены команды остались живы.

Нет, пожалуй, в России человека, который сейчас не знает фразу «идем правее, на солнце, вдоль рядов кукурузы», которую в мегафон говорил спасенным пассажирам самолета А321, командир экипажа Дамир Юсупов. Эти ставшие крылатыми слова с восторгом и благодарностью повторяют люди в соцсетях. Через несколько дней после произошедшего инцидента Указом Президента Российской Федерации В.Путина командир экипажа Дамир Юсупов и второй пилот Георгий Мурзин за мужество и героизм,

проявленные при исполнении служебного долга в экстремальных условиях, были награждены званиями Герой России, а бортпроводники — орденами Мужества.

Новость о спасении пассажирского самолета стала самой важной не только в нашей стране. За рубежом сравнивали командира экипажа Дамира Юсупова с американским пилотом Чесли Салленбергером. В 2009-м он посадил самолет, столкнувшийся также со стаей птиц, на реку Гудзон в центре Нью-Йорка (об этом снят голливудский блокбастер «Чудо на Гудзоне» с Томом Хэнксом в главной роли). Но нашим летчикам пришлось гораздо сложнее: самолет летел на меньшей высоте, времени для принятия решения, по сути, не было совсем: от взлета до посадки не прошло и трех минут.

Дамир Юсупов - татарин, родился в городе Игарке Красноярского края. Позже в 1990-х с семьей переехал в Сызрань Самарской области, а в последнее время проживал в Екатеринбурге. Сейчас пилоту 41 год. С женой Натальей Дамир познакомился в самолете, когда летел в качестве пассажира. У него трое детей.

Пилот рассказывает, что любил полеты с детства: его отец Касим Камилевич был командиром экипажа на вертолете Ми-8, а мама Мянзиля Абдулхаевна работала медиком в авиационной части. Однако при поступлении в летное училище Юсупов не прошел медкомиссию. В результате он выучился на юриста, но мечтать о полетах не прекратил.

До 33 лет Юсупов был сотрудником фонда жилья и ипотеки Сызрани, а также заместителем руководителя городской автономии татар. Будучи зрелым мужчиной, Дамир решил снова испытать удачу и пошел напролом. Юсупов поступает в Бугурусланское летное училище гражданской авиации (филиал Санкт-Петербургского

университета гражданской авиации). И оканчивает его с отличием. После этого «Уральские авиалинии» принимают пилота в свой штат. Но Дамир не останавливается на достигнутом. В 2018 году он получает вторую специальность, окончив Ульяновский институт гражданской авиации по направлению «Аэронавигация».

Дамир Юсупов имеет около трех тысяч часов налета. Водит авиалайнеры Airbus A319, 320, 321. Он летает не только по России, но и в Китай, Турцию, Тунис, Египет, Арабские Эмираты. Были у него и особенно ответственные перевозки. Он возил хоккеистов «Ак Барса» и футбольного клуба «Рубина», а также фигуристов сборной России.

Все, кто знает его, отмечают такие качества, как скромность, выдержанность, стеснительность. «Таким мы его воспитали», - говорит мама героя Мянзиля Абдулхаевна, и в ее голосе слышится нескрываемая гордость. Мы дозвонились до брата пилота Алимжана, который сказал, что «Дамир с детства был очень скромным парнем и даже сейчас не называет себя героем, а историю со спасением пассажиров - подвигом».

«Знаю его лично много лет. Дамир был активным помощником, заместителем председателя совета и специалистом по юридическим вопросам в национально-культурной автономии татар Сызрани. Много лет он посвятил деятельности татарской организации. Правдивый, честный, невероятно скромный, воспитанный человек и очень грамотный специалист, — поделился на официальном сайте организации председатель совета автономии татар Сызрани Ринад Шарафутдинов. — Дамир — пример для многих, пример для подражания. Он достиг своей цели — стать пилотом, подниматься в небо. А сейчас спас много человеческих жизней — этот

подвиг дорогого стоит! От себя лично и от лица национально-культурной автономии выражаю восхищение пилотом-героем, истинным татаринном, настоящим человеком!».

Муфтий ЦДУМ Ульяновской области Мухаммат Байбиков подтвердил то, что во время учебы в Ульяновске Юсупов жил у них в мечети, а также был активным прихожанином местной махалли. Председатель Совета муфтиев России и Духовного управления мусульман РФ муфтий Равиль Гайнутдин заявил, что наградит командира воздушного судна Дамира Юсупова и второго пилота Георгия Мурзина медалями Совета муфтиев России (СМР) «За заслуги». «Наш единовец Дамир Юсупов и его коллега Георгий Мурзин совершили поистине героический подвиг, по воле Всевышнего экстренно посадив самолет Москва-Симферополь. Дамира Юсупова по праву можно назвать достойным сыном татарского народа. В Священном Коране сказано: «...кто сохранит жизнь одному человеку, тот словно сохранит жизнь всему человечеству», - сказал мусульманский лидер.

Сейчас, вопреки слухам о переходе на работу в иностранную авиакомпанию, Юсупов вернулся за штурвал лайнера авиакомпании «Уральские авиалинии» и продолжает перевозить российских пассажиров.

Дамир в переводе с тюркского означает «железный». И в той непростой ситуации в небе над Жуковским пилот Дамир Юсупов действительно оказался верен своему имени, которым его наградили родители. Он проявил настоящую железную волю и выдержку, был уверен в своих действиях. За несколько секунд все просчитал, взял управление аварийного самолета на себя, благополучно посадил и спас сотни людей. Настоящий профессионал и «железный» человек!

Фарид Асадуллин, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

Москва отмечает свой 872 день рождения. Впрочем, всем очевидно, что история города намного древнее, нежели первое известное летописное упоминание 1147 года. В историографии существуют различные точки зрения относительно обстоятельств основания Москвы. Постоянный автор нашей газеты, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН Фарид Асадуллин в своей статье напоминает о тюркско-славянских контактах, связанных с ранней московской историей и позволяющих реконструировать события прошлого на базе переосмысления летописного, фольклорного, хронографического материалов.

Ретроспективный взгляд в историческое прошлое России в условиях идущей в последние десятилетия «архивной революции» способствовал появлению ряда научных работ, предлагающих новые интерпретации исторических фактов, касающихся событий древней и средневековой Руси. Это если и не меняет, то в значительной степени корректирует классическое восприятие российской истории. В данных условиях научный интерес к прошлому многонационального российского государства приобретает не только комплексный характер, но и принципиально иные, чем прежде, масштабы и измерение.

Наряду с уже ставшими хрестоматийными трудами В. Н. Татищева, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и других появляются новые фундаментальные работы, с временных позиций раскрывающие известные исторические факты и предлагающие иные концептуальные подходы их осмысления. Пробудившаяся на рубеже XX–XXI вв. «историческая память» мусульманских народов страны дала заметный импульс как развитию национальных исторических школ, так и новым подходам оценки учеными собственного прошлого в рамках единого российского (древнерусского, имперского, советского) государственного пространства. Семитомная «История татар с древнейших времен», написанная интернациональным составом — одна из таких работ, вызвавшая интерес специалистов как в России, так и за рубежом. Этот труд, охватывающий многовековую историю славяно-тюркских и христиано-мусульманских отношений, — своего рода попытка зафиксировать достигнутый академический уровень знаний в этой области исторической науки и предложить новые методологические подходы к изучению истории татар как одного из крупнейших автохтонных (и второго после русского) этносов в составе Российской Федерации. Открывшиеся в XXI в. в науке новые возможности оценки результатов предшествующих исследований дореволюционного и советского времени дают важный стимул для переосмысления старого багажа знаний. Это касается изучения жизни и быта предков нынешних казанских татар — древних «болгар», история которых, по мнению известного исследователя археологии Булгарского городища А. П. Смирнова, «тесно связана с историей древней Руси, особенно с историей Владимиро-Суздальского, Рязанского и Московского княжеств».

Зарождение Волжской Булгарии и древнерусского государства с центром в Киеве происходило примерно в одни исторические сроки, что, с одной стороны, сопровождалось начавшимися процессами формирования конфессиональной и этнической идентичности населения этих протогосударств, а с другой — создавало возможности широкого культурного обмена и взаимодействия различных духовных практик, распространенных в этой части евразийского континента. Рассуждая об «исторической встрече» двух культур — славяно-оседлой и тюркско-кочевой, — академик М. К. Любавский в связи с колонизацией древней Руси разными народами отмечал: «В степи татарское кочевое населе-

ние ассимилировало русские элементы в противоположность тому, что происходило на окраинах русской оседлости, где тюркские кочевые элементы ассимилировались с русским населением».

Схожую картину мы наблюдаем, рассматривая тесные и многообразные контакты исторического прародителя Киевской Руси — Византийской империи с тюрко-мусульманским миром, где вышеназванные народы оказали значительное влияние на этнокультурную трансформацию византийского мира. Рассуждая о феномене «латентной тюркизации» и анализируя последствия тюрко-греческого этнического и культурного взаимодействия, известный историк Р. М. Шукуров делает вывод: «тюркский язык, тюркский быт, многочисленные реалии соседнего тюркского мира к середине XV в. были хорошо знакомы, привычны, а может быть, и близки византийцам». В «Повести временных лет» 983, 986 и 988 гг. есть упоминания о придерживающихся исламу — «болгарах веры бахмичей». В жанре «миссионерских сказаний» описан прием, оказанный Владимиром-язычником в 986 г. (т. е. до официального крещения Киевской Руси) его ближайшим географическим соседям «болгарам»: После «болгарских послов» аудиенции Владимира удостаиваются «немцы» «от папеже» (т. е. западные христиане), хазарские иудеи и, наконец, посланец Византии — «греческий» философ, которому удается склонить его к принятию восточного христианства. Беллетризованное «испытание вер», известное только через одну «аутентичную» летописную версию, по прошествии столетий стало в исторической науке канонической, сформировав генеральную линию традиционного русского историописания. Приверженность древнерусских книжников к единственной традиции мышления, связанной с церковным преданием, объясняет их «интеллектуальное молчание», когда дело касалось представителей других духовных миров и, прежде всего, связанных с исламом. В русских средневековых источниках доминирует религиозно-враждебное изображение неверных. Ни один средневековый писатель не сформулировал идеологической концепции, одобряющей сосуществования с миром ислама. Между тем сочинения таких средневековых арабских и персидских авторов IX–X вв., как ат-Табари («История царей»), аль-Масуди («Известия эпох»), Ибн Хордабеха («Книга путей и государств») и особенно Ибн Фадлана («Путешествие на Волгу»), но известные средневековым русским летописцам, но знакомые современным исследователям периода Киевской и Монгольской Руси, дают более развернутый и богатый фактический материал о культурной и духовной жизни хазар, буртасов, славян, русов, волжских болгар и других народов, населявших этот уголок Восточной Европы, существенно дополняя содержание средневековой русской книжной литературы и углубляя историософские границы вопроса «испытания вер».

Анализ другого известного памятника историко-культурного наследия древней Руси «Слово о полку Игореве» (если оставить в стороне продолжающуюся полемику о его подлинности) реконструирует в художественных образах мир русско-половецких отношений, позволяя сделать вывод о значительных тюрко-булгарских заимствованиях в этом произведении. По оценке академика В. В. Бартольда, именно самый ранний, дохристианский период истории России характеризуется наиболее тесными культурными связями с арабо-мусульманским Востоком.

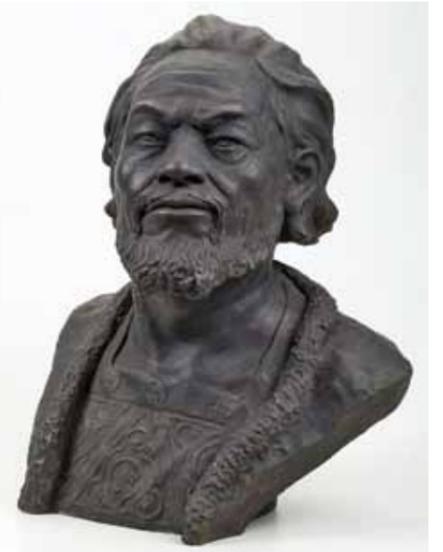
Рассмотрим проблематику историко-культурных тюрко-славянских взаимодействий и способы их интерпретации на примере известного образца московской книжной культуры XVI–XVII вв. — «Сказания о начале Москвы». Обращение к истории основания города с ретроспективных позиций позволяет анонимному книжнику свободно обращаться с хронологией и соединять принципиально не соединяемые истори-

ческие события (например, основание Москвы и смерть Андрея Боголюбского). Внешняя канва этого сочинения укладывается в несколько страниц. В ней передан один из ярких и драматических эпизодов противостояния между богатым боярином Степаном (Стефаном) Кучкой, хозяином «сел красных» на месте нынешней Москвы, и великим князем Юрием Долгоруким, который «шел из Киева во Владимир град к сыну своему Андрею Юрьевичу, и пришел на место, где ныне царствующий град Москва». Не встретив должного приема и оказанных почестей, Юрий Долгорукий предаёт дерзкого и острого на язык Кучку насильственной смерти, а его сыновей Петра и Акима вместе с единственной красавицей-дочерью Улитой отсылает во Владимир к своему сыну Андрею. Спустя годы Андрей сочетается браком с Улитой, которая в сговоре с братьями из мести убивает своего мужа. Возмездие княжеской семьи следует незамедлительно: брат Андрея Боголюбского Михаил Юрьевич велел братьев перебить, а Улиту «повесити на вратах и расстреляти из многих луков».

События XII века, когда Юрий Долгорукий основывает будущую столицу, адаптированы к историческим условиям XV–XVI вв., вступая в диалог с новым политическими и культурными реалиями эпохи «Москвы — третьего Рима» и «Москвы сорока сороков». Это эпоха острой цивилизационной конфронтации христианского мира с миром ислама — можно вспомнить взятие турками Царьграда (Константинополя) в 1453 г., взятие Казани Иваном Грозным 1552 г. и завершение Реконксты — изгнание из Испании мавров. К этому времени идеальные парадигмы эпохи, опиравшиеся на византийское наследие, окончательно формируют официальный дискурс русского православного государства. С этим же связаны сам характер летописания, а также оценочные суждения автора о главных героях — протагонистах и антагонистах «Сказания о начале Москвы». Взятие из Ипатьевской и Лаврентьевской летописей исторические сведения об Андрее Боголюбском и Улите, «дщери Кучковой», т. е. дочери Степана (Стефана) Ивановича Кучки, составляют фавулу этой запутанной средневековой «детективной» истории, подтверждая мысль о произвольном характере соотношения правды и вымысла в традиционном русском историописании. Автор первой «Истории Российской» В. Н. Татищев, опираясь на известные ему источники, а иногда выдумывая новые, привносит в ее изложение немало далеких от реальности субъективных оценок. Официальный историописатель XIX века Н. М. Карамзин, считая эту летописную версию об основании Москвы «историческим баснословием», ограничивается сухим изложением нарратива о московских первооткрывателях. Историк прошлого столетия С. К. Шамбинаго, во многом следуя за логикой Н. М. Карамзина, развивает критический подход к историям о начале Москвы, разделяя их на три вида: хронографическую, сохраняющую «средневековый историзм», а также утратившие связь с реальной действительностью новеллу и сказку. Центральное место в хронографической повести отводится возникновению Москвы на месте селения боярина Кучки и насильственной смерти «победителя болгар» Андрея Боголюбского в 1174 году от рук родственников поверженного Кучки. Анализируя содержание повести и объясняя глубинные причины возникновения мифологемы «Москва — третий Рим», историк пишет: «Москва была основана на крови Кучки, на дочери которого женился А. Боголюбский», а также резюмирует: «Список повестей много: они служили любимым чтением, как отражение моды XVIII в. на генеалогические и баснословные упражнения на исторические темы». «Сказание о начале Москвы» в разных существующих списках — это иллюстрация искусственно сконструированного топоса «традиция», где лица, представляющие иноверный субстрат (половцы, болгары, басурмане), призваны оттенить превос-

ходство и достоинства представителей великокняжеского рода — Юрия Долгорукого и его сына Андрея Боголюбского. Изучение исторического контекста эпохи Юрия Долгорукого позволяет предложить значительно дополненную, через «преодоление сопротивления» древнерусского летописного материала, новую версию этого исторического сюжета об основании Москвы.

Этнический состав Владимиро-Суздальского княжества был весьма разнообразен: кривичи и вятичи, представлявшие славянские народы, меря как представители финно-угорских народов и тюркоязычные болгары жили в одном евразийском пространстве северо-восточной Руси, что предопределило и подспудный процесс взаимной культурной адаптации. Академик М. Н. Тихомиров называет Кучку «одним из вятических старшин или князьков», т. е. относит к славянскому этносу, распространенному в то время в бассейне Москвы-реки. Это ошибка. Ономастический анализ имени Кучки, подкрепленный фактами этого исторического периода, позволяет прийти к другому выводу. Непривычное для слуха «Кучка» восходит к

Облик князя Андрея Боголюбского по реконструкции М. М. Герасимова

словам тюркско-финно-угорского корня «куч — кучак» (обнимание, охалка, кипа) либо «кучук, кучык, кычук» (короткий, небольшой, маленький), что указывает на широкие границы дисперсного расселения болгар к моменту основания Москвы. Одновременно Кучук — одно из языческих имен у древних болгар/финно-угров и чувашей.

Прежде чем появиться первое документальное упоминание о Москве, на этом месте располагались вотчинные земли боярина Кучки, входившие в состав Ростово-Суздальского княжества, что, видимо, позволило родиться неверному суждению о происхождении Кучки. Центр его вотчины располагался в районе нынешних Чистых прудов, еще в древности получивших название «Кучково поле» близ Сретенских ворот Белого города. После смерти Кучки боярские вотчины, получившие название Кучково (Кучково поле), отошли в личный домен великого князя Юрия Долгорукого. «Москва, реке Кучково» (Москва значит Кучково) часто встречается в русских летописях, начиная с XII в.

Это имя издревле существует в топонимике Северо-Восточной Руси (волость Кучка) — оно сегодня в разных вариантах встречается в Крыму, центральной России, например, в Старицком районе Тверской области (дер. Кучково), на севере Мари Эл (село Кучка Оршанского района), Татарстане (село Починок Кучук), Пензенской области (село Кучки) и Сибири (село и река Кучук в Алтайском крае). Таким образом, топоним Кучук этимологизируется на материале тюркского языка.

«Болгарский» след происхождения Кучки находит подтверждение в летописном упоминании «дщери Кучковой», которая названа «болгарыней» либо «болгаркой родом». Обстоятельства убийства князя Андрея Боголюбского Улитой и ее братьями («окоюнными Кучковичами») летописи объясняют мстостью мужа за разорение Волжской Болгарии, указывая также на имевшую место неудовлетворенность семейной жизнью супругов.

Действительно, летом 1164 года состоялся победоносный военный поход Андрея Боголюбского на Волжскую Болгарию, которая к этому времени уже сформировалась как государство, входившее в ареал арабо-мусульманской цивилизации. Летописцы, а вслед за ними современные интерпретаторы, придают этой войне, обращаясь к негативной семантике, характер крестового похода. Одержанная князем победа была воспринята и им самим, и окружающими его людьми, прежде всего, как новое свидетельство Божественного покровительства князю и всей русской земле, как зримое торжество Православия. По версии Тверского сборника, походы супруга Улиты Андрея Боголюбского на ее родину пробудили к нему ненависть, которая выльется наружу не сразу, а только через 10 лет — в 1174 г.(?). Несмотря на условный характер летописных репрезентаций и иносказательность, которой пользовались московские книжники, можно сделать вывод о том, что «дщерь Кучкова» вопреки крещению сохраняла земляческую (ментальную) связь с прежней традицией, возможно, храня в памяти верность обычаям и религии своих предков. Имеющийся в исторической науке материал не дает нам права развивать эту идею до конца, но обращение к фундаментальным исследованиям Р. М. Шукурова, который вводит понятие «криптомусульмане» / «криптохристиане», позволяет гипотетически предположить, что в случае с Улитой мы имеем дело с криптомусульманством, т. е. скрытой формой исповедания религии предков. К примеру, в эту же эпоху, история раннего халифата, богатая примерами различных форм «незавершенной» идентичности и религиозного синкретизма, показывает, как условные «криптохристиане» (вчерашние адепты христианских сект несториан и монофизитов) под влиянием мусульманского окружения постепенно интегрируются в новый для них арабо-исламский социум либо, наоборот, в изменившейся ситуации возвращаются в лоно материнской традиции. Для социального пространства средневековой Руси, где имели место разные формы контактов с восточными и южными соседями, исповедующими ислам, подобное допущение также вполне имеет право на существование.

Образ Андрея Боголюбского, описанный книжником в «Сказаниях о начале Москвы» на основе известных «клишированных конструкций» религиозной космологии, еще более углубляет понимание современного читателя об условности и отвлеченности летописного изложения от реального исторического контекста. Значение тюрко-половецкого/ болгарского фактора в жизни средневекового русского общества, а также присутствие тюркоязычных этносов в социальных слоях Владимиро-Суздальского княжества можно проследить, анализируя биографии Юрия Долгорукого и его сына Андрея Боголюбского. Согласно историческим источникам, Юрий Долгорукий был женат на половецкой княжне, дочери половецкого хана Аепы (Аййуба), от которой у него было семеро сыновей, включая старшего — князя Андрея Боголюбского. Союзнические отношения с половецкими ханами прослеживаются на протяжении всей жизни Юрия Долгорукого и его сына, а затем внуков, которые в сложные моменты княжеских распрей и междоусобиц могли рассчитывать на поддержку и гарантированную безопасность со стороны своих кипчакских родственников. Историк А. Ю. Карпов, анализируя перипетии богатой на события жизни князя Андрея Боголюбского, указывает, что влияние матери-половчанки сказалось на тесных родственных узах, включая «общий язык» с половцами, а его сын Юрий Андреевич после смерти отца в течение «восьми или около того лет» провел среди половцев, спасаясь от своего дяди Всеволода, претендовавшего на владимирский княжеский стол. Существенным дополнением к этому» служит антропологическая реконструкция облика князя, выполненная знаменитым ученым М. М. Герасимовым. Заметно выраженные монголоидно-азиатские черты его лица служат наглядным подтверждением того, каким был «среднестатистический» московский житель на заре основания города. Несмотря на то, что в ментальной картине мира русского книжника, следующего канонам византийского дискурса, как правило, присутствует враждебное отношение к представителям исламской цивилизации в летописных репрезентациях, проанализированных в статье, под «первым культурным слоем» памятника можно обнаружить неожиданные, но очень важные находки, с одной стороны, действительно «усложняющие» наши представления о прошлом (которое по преимуществу было представлено «каноническими» версиями отечественной истории), а с другой — проливающие свет на глубинные основы взаимопереплетенного единства славянских и тюркских народов страны.

Праздник для всех!

В первые выходные осени Москва отметила свой 872-й день рождения. Для москвичей и гостей столицы прошли познавательные мастер-классы, семейные спортивные состязания, уличные спектакли, концерты с участием звезд эстрады, а также ярмарки.

Насыщенной и разнообразной программой, как обычно, порадовал посетителей в эти дни парк «Зарядье». В самых необычных уголках парка можно было встретить арт-инсталляции, а также получить удовольствие от незабываемых представлений уличных артистов. Кроме того, в парке были организованы интерактивные спектакли для детей и взрослых. Кульминацией программы стал праздничный салют.

ВДНХ в дни праздника временно «переехала» на Тверскую улицу. На площадке «Рождение легенд» зрители узнали о первых годах работы выставки и увидели ее главные символы в миниатюре — скульптуру «Рабочий и колхозница», арки Северного входа, фонтан «Золотой колос». На площадке «Программа возрождения» показали, как за последние годы возрождались ВДНХ. Программу здесь посвятили историческим павильонам союзных республик и восстановленному центру космонавтики павильону «Космос». На этой же площадке напомнили о Всемирном фестивале молодежи и студентов, проходившем в 1957 году на ВСХВ. На площадке «Новая Эра» посетители узнали о настоящем и будущем ВДНХ — «Москвариуме», ландшафтном парке, веревочном парке и парке аттракционов.

День города Москвы в парках — это традиционно десятки интересных шоу и мероприятий. В соревновании за посетителя Кузьминки, «Музеон», Парк Победы на Поклонной горе, Измайловский парк, парк Горького организовали фестивали, провели множество конкурсов с приглашением театральных трупп и известных артистов.

В этом году День города проходит после завершения фестиваля городского ландшафтного дизайна «Цветочный джем», который стартовал в конце августа. Гости фестиваля побывали на цветочном балу, днях Англии и Германии, днях кукольных театров, мастер-классах по ботанике и флористике, тематических ярмарках. В день рождения Москвы по всей столице прошел конкурс любительских цветников. Вероятно, наши московские читатели уже заметили, как искусно и с любовью, начиная с весны, благоустроены многие московские дворы. В своей активной фазе и многие работы программы благоустройства «Мой район». Результаты уже заметны на улицах и во дворах.

Так и должно быть — свой День рождения Москва отмечает нарядной и уютной.

В гостях у землячества

В Татарском культурном центре Москвы 5 сентября прошла встреча членов «Землячество Татарстана» и РТНКА Москвы с председателем Московской городской Думы Алексеем Шапошниковым.

Это первое посещение Алексеем Валерьевичем татарского центра столицы. Почетному гостю провели небольшую экскурсию по историческому зданию. В библиотеку центра он передал подарочные экземпляры книг — пятитомник о ВОВ и истории парламентаризма в России.

Слева направо: Равиль Ахметшин, Алексей Шапошников и Фарит Фарисов

Во встрече приняли участие заместитель Премьер-министра Республики Татарстан — полномочный представитель Республики Татарстан в РФ Равиль Ахметшин, первый заместитель председателя Совета муфтиев России Рушан хазрат Абязов, первый заместитель председателя Московского городского Совета ветеранов, генерал-полковник Расим Акчурин, председатель РТНКА Москвы Фарит Фарисов, члены клубов по профессиональным интересам, созданным при полпредстве Татарстана, общественность.

Алексей Шапошников вносит большой вклад в развитие социально-экономических связей Москвы с Республикой Татарстан, оказывает постоянную поддержку в решении вопросов сохранения и развития культуры и традиций жителей многонациональной и многоконфессиональной Москвы.

Первый свой визит после избрания в качестве председателя Мосгордумы он в 2015 году нанес в Татар-

стан, где ознакомился со спецификой работы Государственного совета РТ. По его мнению, парламент республики по уровню организации деятельности, в том числе с использованием современных инновационных решений, является передовым среди субъектов России. Именно по примеру Татарстана Мосгордуме перевели на безбумажный, электронный документооборот, все системы в зале пленарных заседаний также построены на основе опыта нашей республики. «Это огромный вклад Татарстана в Московскую городскую Думу», — подчеркнул Алексей Шапошников.

По словам Алексея Валерьевича, «Землячество Татарстана» является самой активной организацией, которая влияет на социальную и политическую жизнь в Москве. Глава московского парламента активно участвует в мероприятиях Татарстана, проходящих в Москве, — Дня культуры республики, ежегодных праздниках Сабантуй и Навруз, неоднократно посещал полпредство Татарстана.

Подчеркнем, что взаимодействие между Москвой и Татарстаном развивается в рамках Соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом и социально-культурном сотрудничестве между городом Москвой и Республикой Татарстан. Оно было подписано в марте 2011 года Сергеем Собяниным и Рустамом Миннихановым.

Встреча в Татарском культурном центре Москвы прошла в формате «вопрос-ответ». Желавшие почти в течение двух часов задавали вопросы Алексею Шапошникову. Они касались сфер образования, культуры, национальной и молодежной политики, сотрудничества Москвы и Татарстана. Обсуждались вопросы участия москвичей в социальных проектах города.

Благодаря грамотным и обстоятельным ответам Алексея Шапошникова, его чувству юмора встреча прошла в очень теплой и дружеской атмосфере. Участники мероприятия пожелали ему успехов. В конце встречи желавшие смогли сфотографироваться и пообщаться с ним лично.

Шамиль Измайлов

О родных с уважением и любовью

Люди, прожившие вместе со страной в бурном двадцатом веке... Какими они были? Одним из них был мой отец, Измайлов Абдулла Исмаилович - скромный, трудолюбивый и честный человек. Хочу рассказать о нём его потомкам, живущим в другом, двадцать первом столетии.

Он родился в 1905 году в ауле Ендовищи Сергачского уезда Нижегородской области. Тогда это было большое селение, в котором проживало более 8000 человек. Отец его (в семье обращались к нему «атай») работал слесарем Ижорского механического завода, расположенного в рабочем поселке Колпино в пригороде Санкт-Петербурга. Зимой семья жила в городе, а летом, как это было тогда принято, в ауле. Мать его, Айникямаль, которую называли «анай», была коренной уроженкой аула и очень активной женщиной.

«Атай» потихоньку приобщал моего отца к технике. Как-то устроил в мастерскую по обслуживанию морских торпед. Он с увлечением изучал детали, крутил винтики-гаечки. Затем «анай» через своих земляков пристроила его «гарсоном» в ресторан у одного татарина.

В 1916 году после операции глава семьи умер. Начались материальные трудности. Деятельная бабушка, собрав четверых сыновей, поехала в очередной раз в Финляндию. Там на территории России проживала значительная колония татар, в том числе из аулов Ендовищи, Актук, Суык-су, Чембелей и других. Они держали магазины и лавки. Бабушка Айникямаль стала работать в одной из них. Мой отец как старший занимался по дому, присматривал за братьями. Привык к стране, к финансам, к языку. Всё это пригодились ему позже.

В Петрограде оставался племянник атая, которого звали Исмаил Садыков. Он работал наборщиком в одной из типографий города. Как потом выяснилось, Исмаил с 1906 года состоял в партии РСДРП. Исмаил-абый часто бывал в гостях у моего деда. После смерти атая, своего дяди, помогал нашей семье, опекал. Тесная связь с ним продолжится всю жизнь, несмотря на потрясения, которые прокатятся по стране.

В конце 1917 года Советское правительство приняло решение об отделении Финляндии от России. Обозначилось новое государство. Одним из первых его актов было решение об устройстве границ. В связи с этим предстояло нефинскому населению определиться в течение одного года с местом проживания, а также добровольно выбрать форму гражданства. Многие татары, в том числе и моя бабушка Айникямаль, решили вернуться на Родину. Была категория людей, решивших остаться. В основном, это были владельцы лавок и магазинов. Наша семья со всем имуществом вернулась в Петроград, в посёлок Колпино.

Через некоторое время Советское правительство переехало в Москву. Деятельная бабушка вдогонку, долго не думая, выгрузила свой скарб в новой столице, обогновывая тем, что теперь совсем недалеко и до родного аула. Поселились у родственников на Татарской улице. Теснота, скученность, недоедание. Анай устроилась на работу в лавку к землякам. После окончания школы

отец нашел работу на Пресне, на мукомольном заводе, механиком по технологическому оборудованию. Начался НЭП, он видел, что народ повеселел, оживился. Улицы, город приобрели прежний колорит.

В 1924 году отцу пришла повестка в Красную армию. На призывном пункте офицер, глядя на его бумаги сказал: «Тебе, Измайлов Абдулла, как татарину, предлагаю идти в кавалерию». Он ему возразил, сказал, что лошадей видел только на улице. Тогда офицер поинтересовался, какой техникой занимался. Отец сказал, что восстанавливал морские торпеды. Поскольку на флот разрядки не было, отец с радостью согласился в авиацию. Медкомиссия на лётчика «добро» не дала, пришлось стать авиамехаником.

После прохождения спецкурсов его направили в авиационный полк истребителей, который располагался под городом Новочеркасском Ростовской области. Полк располагал французскими самолётами, которые остались еще с Первой мировой войны. Для своего времени это были испытанные надежные машины, но тихоходные. В сильный ветер они «летали на месте»: не могли преодолеть его и просто висели в воздухе. Папе очень нравилось готовить их к полёту и встречать.

В 1927 году он демобилизовался из рядов Красной Армии. Съездил в аул. После небольшого отдыха начал работать в Москве на авиастроительном заводе «Салют» в различных технических службах. Там он освоил новые отечественные авиационные моторы, занимался их испытанием и доводкой. На самолётах, оснащенных нашими моторами, известные летчики Чкалов, Гризодубов и другие начали ставить рекорды. После каждого из них устраивались торжественные митинги, которые завершались иногда дружеским ужином.

Через некоторое время его направили на работу по эксплуатации самолетов в единственном в Москве аэропорту на Ходынке. На базе аэродрома создавалась и быстро развивалась научно-опытная и экспериментальная база ВВС. Там находилось хозяйство В.П. Чкалова. Возникло общество «Добролет», которое затем стало «Аэрофлотом».

Женился отец в 1930 году на землячке по имени Тагиря. Квартиру сняли в Подмоскowie, в посёлке Кунцево. Анай с братьями осталась на Татарской улице. На работу ездил на трамвае. Моя мать изредка вспоминала, как отец прокатил ее, молодую жену, на самолете над Москвой. Впечатления, говорила, - пльвьёшь, как в лодке. Родились дети: Рашидя и Рашид.

Постепенно на Ходынке в рабочей среде стали появляться новые люди, слабо разбирающиеся в авиационной технике, но любящие показать свою строгость. От них он впервые услышал выражение «враги народа». Однажды один из них ему заявил: «Татарин, за тобой я наблюдаю». Это отца и оскорбило, и насторожило. Наступали суровые времена. Старые сотрудники куда-то уходили. Появилось ощущение тревоги. Успокаивало лишь то, что скоро предстояла командировка.

В это время советское правительство подписало контракт с Ираном по оказанию помощи в борьбе с саранчой с применением авиации. Отцу предложили ехать в группе специалистов для организации службы. Вначале предусматривалось 2-х месячное обучение специалистов в Казани.

Однажды осенью к ним приехал из аула Пица Исмаил абый. В свое время туда он был направлен партией на хозяйственно-организационную работу. Вскоре его выбрали председателем колхоза. На селе бурно шла коллективизация. Создавался новый, прогрессивный уклад жизни. Долго беседовали за столом. Отец ему рассказал о своих планах поехать в Иран. Дядя же сказал, что поддерживает связь с товарищами по партии, что в стране начинается волна репрессий. Лишнего болтать не надо. Сказал, что в Иране можно достойно отработать, а по возвращении на родину в 50-ти метрах от границы как врага народа его расстреляют и зароят в первый же бархан. Дядя порекомендовал ему сразу уйти с работы, что он и сделал. Также он сообщил отцу, что по разрядке колхозу выделяют три трактора «Фордзон» и две полторки «Газ». В ауле с железом никто не знаком, кроме подковы лошади, больше ничего железного не видели. Надо будет по весне приехать в колхоз, встретить технику и начинать обучение трактористов и шоферов.

Весной 1936 года отец с семьей приехал Пицу - один из аулов Кызыл-Октябрьского района. В ожидании поступления сельскохозяйственной техники он набрал ребят, будущих трактористов и шоферов. Обучал их. Обновили кузницу, построили мастерскую и гараж. Технику со станции Сергач перегоняли своим ходом. Для заправки тракторов топливом сделали передвижную заправку: телегу с бочкой и ведро с воронкой. В целях быстрого обучения водителей ввели должность «шофер-помощник». Ребята некоторое время с отцом ездили вместе в кабине. Таким же способом обучал и трактористов.

У дяди Исмаила семья была небольшая: жена Амина-апа, учительница, преподавала в школе, и дети - Нил

Отец Абдулла и мать Тагиря (сидят) с братом Хафизом Залаяетдиновым

с Розой. Однажды летом 1937 года ночью к нему приехали три сотрудника НКВД. Грубо затолкав в машину, привезли в райцентр. Они предъявили ему обвинение в том, что он тайно схоронил в Пицинском лесу 6 гаубиц, 8 пулеметов, 120 винтовок с целью организации вооруженного выступления против Советской власти. Предложили подписать донос. Он им сказал, что это не лес, а роща в степи вокруг пруда. Там даже телегу не спрячешь. Заявил, что является участником гражданской войны в дивизии Чапаева, имеет ордена. «По-едем, если что-то найдёте, подпишу». Допрос кончился тем, что его два крепких парня, пекари из соседнего аула Актукоево, нещадно избili. На следующий день всё повторилось. Били очень сильно. Он понял, что в третий раз его, 57-летнего кавалериста, просто убьют. Не глядя подписал донос. Оказалось, чтобы объявить его врагом народа, надо предвзято исключить из партии. Но поскольку он член РСДРП с дореволюционным стажем, то это может сделать только обком партии, который находился в Горьком.

Привезли в нижегородский Кремль, где располагалось здание обкома. Сотрудник НКВД с солдатом повели его по длинному коридору. Вдруг навстречу ему быстро прошёл очень знакомый мужчина. Дядя лихорадочно вспоминал, кто же он. Вдруг дошло: Михаил Самуилович Каганович, соратник по чапаевской дивизии, Южный фронт, политотдел комиссара Фурманова... В 1919 г. в одной из атак рядом взорвался снаряд, дядю сильно ранило, а коня убило. С тех пор он Михаила не видел. А дальше - госпиталь. Война для него закончилась.

Привели в какой-то предбанник, небрежно закрыли дверь, поставили часового. Вдруг прибежал командир и вежливо повел его по коридору. Открыв дверь, вошёл в один из кабинетов. Очень тепло встретились. Оказалось, Каганович приехал из Москвы в командировку. Был уже в курсе, поскольку успел ознакомиться с его бумагами. Спросил, как семья, дети? Немного поговорили. Сказал, что наступили сложные времена. Из перекидного календаря вырвал листок и написал: «Пропустить. Каганович» Сказал, что если будет туго, - предъявишь. Вызвал секретаря, попросил купить билет на поезд, накормить в ресторане, проводить.

В 1940 году Михаила Самуиловича самого начнут обвинять в измене родине, он застрелится.

После прибытия в Уразовку по представлению райкома мой дядя Исмаил был произведён аж в народные судьи. Принял дела, начал работать. Случайно узнал автора доноса на него. Им оказался директор школы, где работала Амина. Он имел на нее виды.

Меж тем началась жатва. Колхоз убрал хороший урожай. Молодежь освоила технику, на полторках и телегах возили зерно в Сергач на элеватор. Отцу предложили работать шофером в машинотракторной станции (МТС) в Уразовке.

В один ноябрьских дней 1939 года в район пришла команда: «Срочно направить автомобили на станцию Сергач». Набралось 8 полторок. Погрузились на платформы, поехали. Потом водители догадались, что едут в сторону Финляндии. Прибыли в Ленинград. Со станции прибытия их разобрали по войсковым частям. Говорилось о конфликте, а получилась настоящая война, которая унесла жизни более 380 тысяч советских солдат. Потери Финляндии - 24 тысячи.

Мой отец Абдулла Измайлов

Как-то отца вызвали в штаб, где командир полка сообщил, что за лесом без топлива застрял взвод танков. Финны подтягивают артиллерию, чтобы их расстрелять в упор. Направили уже две машины с топливом, солдаты погибли под снарядами противника, машины и топливо сгорели. Отец выяснил, что попытки происходили ночью. Это была серьезная ошибка. Он принял решение пробиваться по другой, не пристрелянной еще дороге в полдень, когда солнце светит на батареи, ослепляя противника. Дали в помощники невероятной силы солдата Ивана, тоже из Горьковской области. Он двухсотлитровые бочки кидал в кузов, как арбузы. Предварительно набрав скорость, выскочили на грузовике на открытый участок дороги. Засвистели снаряды. В голове одна мысль: педаль газа и баранку не отпустить. Проскочили открытый участок дороги, взрывы остались сзади. Вдруг он увидел, что рядом с рощей появился человек и машет рукой, в которой держит шлемофон. Наши! Командир взвода обнял его. Быстро заправили танки и рванули в сторону финнов. Вскоре грохот боя прекратился, появилась зеленая сигнальная ракета. Враг был раздавлен. И это только один из подвигов моего папы.

Через месяц отец вернулся домой. Вскоре из Москвы пришло приглашение явиться за наградой. В назначенный день в Кремле собралось 25 человек. В зале вдруг появился М. И. Калинин с помощником. Поздоровались, поздравил с награждением, извинился, сказал, что спешит и что дальше церемония будет проводить его помощник Горкин, и поспешно ушел. После награждения состоялся обед. Он получился отменным: рыба, икра, птица и прочие вкусности. Ордена опускали в стаканы и чокались...

Вернувшись в Уразовку, папа начал работать механиком в МТС. Дядя Исмаил служил председателем колхоза в ауле Кое суы. Он по-прежнему был энергичен. Дядя собирался получить кое-что из механизации... Вдруг по радио объявляют страшную весть: началась война! Страна быстро перешла на военный лад. Начался призыв в армию. Появились добровольцы. Отца на фронт не взяли, комиссовали. В деревнях мужчин почти не осталось. Женщины сели на тракторы. Подростки пошли работать на поля и животноводческие фермы. МТС работал без выходных. Отец в месяц отремонтировал по 30 моторов тракторов и комбайнов. В районе установились будни войны. Из Кызыл-Октябрьского района на фронт ушло 11 000 человек, а вернутся - 6 000. Шесть Батюров стали Героями Советского Союза!

Вскоре в одну из ночей в доме дяди раздались опять стук в дверь, опять воронки. Не стали забирать ордена, исключать из партии, немец - под Москвой. А прямо отвезли в город Арзамас, ввели в какой-то большой зал рядом с железнодорожной станцией. Оказалось, началась кампания «письмо товарищу Сталину» с просьбой направить на фронт. Заявления писали все: и старики, и - инвалиды. Дяде в 64 года как чапаевскому кавалеристу доверили возглавлять конный обоз. Он его довёз до Венгрии.

После войны дядя приехал в Москву, поселился у невестки, т.е. у моей бабушки Айникамель на Татарской улице. Побоялся ехать в аул, говорил, что отсидевшиеся в тылу «насибуллины» могли его окончательно «уробить». По благу на время устроился «дирижером», то есть дворником. Он рассказал, что однажды, орудия метлой направо - налево, услышал голос сбоку: «Исмаил-ака!». Обернулся: капитан Каримов, товарищ по фронту. Прошли домой. Сели, выпили. Дядя ему объяснил, в какой ситуации оказался. Кончилось тем, что на следующий день Каримов уже всё дядю в Ташкенте, где устроил его в Академию наук завхозом. Там он построил себе «пятистенный» дом по улице Дружбы. Они с Амина апой часто приезжали к нам в Уразовку и к себе в Красный Остров. В возрасте 86 лет его не стало. Думаю, такую жизнь он прожил без помощи «фереште»-ангела.

А у моих родителей было шестеро детей. Рашидя выучился на учителя, Рашид стал художником, а Райся, Шамиль, Камиль стали инженерами. Последний наш братишка, Рустам, умер в младенчестве. Наши родители прожили по 90 лет. Вспоминаю о них с уважением, любовью и благодарностью.

Гамэр Баутдинов, журналист-международник

ПОЛУЗАБЫТАЯ БИТВА

В августе 2019 года исполнился 620 лет со дня исторической битвы при реке Ворскла, на которой стоит украинский город Полтава. Даже в работах историков, посвященных Золотой Орде и её отношениям с Москвой, эту битву упоминают как-то вскользь, делая гораздо больший упор на Куликово поле. Между тем исход битвы на Ворскле сыграл огромную роль в судьбах Руси, что позволило Московскому княжеству обезопасить себя от литовцев и тевтонцев. Но начнём по порядку.

Предыстория этой битвы косвенно связана с темником (или эмиром) Мамаем, у которого был и свой, ордынский титул - бекляри-бек. Известно, что в 1380 году его многоэтничное войско после битвы с войсками князя Дмитрия Ивановича покинуло Куликово поле. А затем у реки Калки мамаевы воины пали ниц перед Токтамышем, законным ханом-чингизидом Улуса Джучи. Сам Мамай бежал в Крым в надежде найти защиту у своих временных союзников - обосновавшихся на полуострове генуэзцев. Но там он был убит, вероятно, наёмниками Токтамыша на городском базаре, и, согласно последним исследованиям М.Г. Крамаровского, это произошло в Солхате (ныне город Старый Крым).

Мамаев сын Мансур вместе со своими соратниками бежал в Великое княжество Литовское, владения которого простирались от Балтийского до Чёрного морей. Порой его границы отстояли всего на сотню вёрст от Москвы, а в Степи контакты литовцев с кочевниками или «татарами» никогда не прерывались. А в конце XIV века, при великом князе Литовском Витовте (Витаутас - на языке оригинала) наблюдалось массовое переселение татар в Литву, которые навсегда осели здесь (имеются в виду и некоторые соседние районы Белоруссии и Польши).

Беглецу Мансору в Литве оказали неплохой приём, предоставив ему и его людям земельные владения и иные льготы. От Мансура пошёл род князей Глинских, и один из их потомков, Василий Львович Глинский, стал отцом Елены Глинской, которую выдали замуж за великого князя Московского Василия III, отца будущего Ивана Грозного.

Затем в Литве оказался и бывший хан Токтамыш, потерявший трон после поражения от эмира Тамерлана. Сначала это произошло на реке Кондурча в Среднем Поволжье в 1391 году, а через четыре года - на реке Терек на Северном Кавказе. А по самой Золотой Орде был нанесён такой страшный удар, что она так и не оправилась после него, и начался процесс её распада, приведший затем к образованию отдельных ханств (Казанского, Касимовского, Крымского и т.д.).

Хан Токтамыш бежал на север, а затем обосновался в Крыму. Но не дремали и его ордынские соперники - новый хан Тимур-Кутлуг (Тимур-Котлыг), протееже эмира Идегея. Они тоже были участниками противостояния между Тамерланом и Токтамышем, но затем приобрели самостоятельность. Улус Тимур-Кутлуг находился в Нижнем Поволжье с центром в Сарайчике, а власть Идегея распространилась на Яик (Урал) и некоторые другие соседние земли, которые получили название «Мангытский юрт».

Когда до них дошла весть о том, что Токтамыш обосновался в Крыму, они двинули туда свои войска. Перевес оказался на стороне Тимур-Кутлуга и Идегея, и Токтамыш со своими войсками бежал в Литву. Там он был благосклонно принят, и великий князь Литовский Витовт выделил ему «в кормление» Лиду (ныне город в Гродненской области Белоруссии).

Поддерживая бывшего хана, литовский князь преследовал далеко идущую цель - расширить своё влияние на Москву и другие соседние земли. И это несмотря на то, что великие князья Литовский и Московский состояли в родственной связи: Софья Витовтовна была замужем за Василием I. Тем не менее Витовт принял решение двинуться на Восток, используя при этом конницу Токтамыша. Сила степной конницы была всем хороша известна! Взамен бывшему хану было обещано вернуть золотоордынский трон. Так обозначились контуры будущей великой битвы на Ворскле.

Одна из русских летописей определяет намерения князя Витовта в таких словах: «Пойдем пленити землю татарскую, победим царя Темир-Кутлуга, взем царство его и разделим богатство и имение его и посадем на Орде на царстве его царя Токтамыша, и на Каффе (Кафа, Феодосия в Крыму - Г.Б.), и на Озове (Азов, Тана, Азак), и на Крыму, и на Азтораханах (Астрахань, Аштархан, Хаджитархан), и на Заяицкой, и на всем приморье, и на Казани, и то будет все наше, и царь наш и мы не точию Литовскою землю и Польскою владети и северною, и Великим Новым городом и Псковом и немцы, но и всеми великими княжени русскими».

Таким образом, мы видим, что реальная угроза нависала над Москвой, так и другими сопредельными землями. О том, что князь Литовский готовился к осуществлению такого плана говорит и так называемая разведка боем. Отряды литовцев, опираясь на конницу Токтамыша, совершили ряд набегов на южные земли, доходя до Днепра и Дона и разорив другие земли. Хан Темир-Кутлуг и Идегей предприняли ответные меры, но отношения между противниками всё более накалялись.

Наконец, 12 августа 1399 года они сошлись на поле боя на берегах Ворсклы, левом притоке Днепра. Вот как описывает это противостояние в книге «Древняя Русь и Великая степь» Лев Гумилёв: «Литовско-белорусское войско было усилено польской шляхтой и отрядами немецких рыцарей из Пруссии. Всего около 100 тыс. воинов. Бунчуки сибирских татар, прибывших в Литву с Тохтамышем, терялись в общей массе стягов, знамен и рыцарских значков. Однако только татары представляли возможности своих противников».

Правда, в отношении численности воинов Витовта, приведённые Гумилёвым, кажутся довольно завышенными. Но в любом случае это были, наверное, лучшие силы литовского князя, ибо слишком высокой была ставка в этом противоборстве. А Никоновская летопись уточняет: «Витовту стоящу на другой стороне реки Ворсклы, во обозе, в кованых телегах на чепех железных, со многими пищальми и пушками и самострелы». То есть литовский князь приготовил для противника сюрприз, применив впервые огнестрельное - пушки и пищали, дотеле почти неизвестные многим степнякам. А Темир-Кутлуг и Идегей основную ставку могли сделать только на конницу.

Видимо, Витовт переоценил свои силы и, наверное, не предполагал, каким опытным противником являлся Идегей. Он обладал несомненным полководческим талантом, что не раз демонстрировал в междоусобных сражениях в тюркском мире. И в этой битве, пожалуй, венцом в боевой карьере Идегея, проявились его лучшие качества как полководца. Он использовал козырную карту степняков, сделав вид, что под натиском противника с огнестрельным оружием вынужден отступить. Сначала Идегей уступил противнику свой, левый берег реки, а затем начал отходить даже оттуда.

Окрылённые первыми успехами войска Витовта и Токтамыша продолжали наступать, уже ощущая близость кажущейся победы. Но тут грянул гром - последовал стремительный фланговый удар степной конницы! Казалось бы, это должен был предвидеть Токтамыш, хорошо знающий тактику своих соплеменников. Хотя есть мнение, что он заранее готовился покинуть поле боя. Как бы то ни было, он сам стал первой жертвой контр наступления противника, внося сумятицу в ряды воинов Витовта. Под натиском противника они стали поспешно отступать, но не успели выйти с поля боя - настолько стремительно действовала степная конница. В конце концов, погибло почти всё войско Витовта, в том числе 70 князей. Уцелевшие бежали, но весь обоз литовского войска достался победителям.

Что касается самого великого князя, то, по словам Гумилёва, его «вывел в глухой лес казак Мамай, один из потомков знаменитого темника. В Лесу они блуждали три дня, пока Витовт не обещал своему проводнику княжеский титул и урочище Глину. Тот немедленно нашёл дорогу...». Тем временем степная конница, не довольствуясь учинённым разгромом противника, преследовала отступающих 500 вёрст, вплоть до Киева. Затем, получив от горожан откуп, продолжала добывать остатки воинства Витовта по пути его отступления к Луцку на Волыни.

«Военной катастрофой» для литовского князя назвал битву на Ворскле историк Магамет Сафаргалиев, автор монументального труда о Золотой Орде. Сам же Витовт вынужден был отказаться от союза с Токтамышем ради быстрейшего заключения мира с победителями. А Токтамыш после этого отправился в Сибирь, где пытался создать новое государственное образование. Но Идегей настиг его и там, и Токтамыш, измотанный событиями последних лет, был, в конце концов, убит в 1406 году где-то под Тюменью.

А что же Москва? Она осталась в стороне от битвы на Ворскле, и поэтому, возможно, эта тема слабо отражена в русской исторической и литературной традиции. Тем не менее Москва очень много выиграла от итога этой битвы, развязав руки в противостоянии с Великим княжеством Литовским. Московские войска предприняли активные действия на западной границе, а рязанский князь Олег отвоевал у Литвы Смоленск. Правда, после его смерти Витовт отвоевал этот город и хотел двинуться к Москве. Но великий князь Василий I сумел сдержать наступательный порыв своего тестя и сделал он это при помощи татарского отряда, присланного новым ордынским ханом Шадибеком, тоже, кстати, ставленником Идегея.

Относительно последующих событий следует упомянуть, что хан Темир-Кутлуг умер вскоре после битвы на Ворскле, и на ордынском троне его сменил брат Шадибек, которому наследовал его сын Булат-Тимур. В 1405 году умирает и всемогущий Тамерлан, после чего Идегей становится реальным правителем остатков Джучиева Улуса. В 1408 году он появляется под стенами Москвы, в Коломенском, требуя выплаты многолетней дани. Но тут Идегей получает сообщение, что номинальная власть его ставленника Булат-Тимура в опасности. Тогда он снимает трёхнедельную осаду и уходит, ограничившись выкупом со стороны москвичей. Идегей ещё лет десять метался по обширным просторам - от Сибири и Хорезма до Киева и Крыма, ведя борьбу против подростков сыновей Токтамыша, своих «вечных» врагов...

Лейсан Ситдикова

Ришат Тухватуллин: *Родная деревня — лучшее место на земле*

Несмотря на молодость, Ришат Тухватуллин один из самых востребованных певцов татарской эстрады. Зрителям нравятся не только его манера исполнения, безупречное владение голосом и мягкий тембр, но и скромность, с которой он держится на сцене и в жизни. Каждое лето он устраивает благотворительные концерты у себя на родине в селе Карамалы-Губеево в Башкортостане, а осенью вместе со своим коллективом отправляется в большой тур. В этом году в его гастрольном графике Лениногорск, Чистополь, Заинск, Бавлы, Сызрань, Саранск, Пенза, Казань и многие другие города. **13 октября** артист выступит перед московской публикой на сцене **Большого концертного зала «Космос»**. В преддверии гастролей Ришат Тухватуллин дал интервью «Татарскому миру», в котором рассказал о любви к родному краю, трепетных отношениях с родителями и увлечениях.

- Ришат, вы даете рекордное количество концертов в год — более ста пятидесяти. Начался ваш большой тур, в том числе состоится выступление в Москве. В прошлом году вы дали грандиозный концерт, приуроченный вашему 30-летию в Crocus City Hall. Что вы готовите для московских слушателей на этот раз?

- Прошлогодний юбилейный концерт в Москве оставил неизгладимые впечатления, и я очень благодарен зрителям за теплый прием. Удивить столичного зрителя чем-то еще будет сложно, но, зная их взыскательный вкус, будем очень стараться сделать так, чтобы этот концерт остался надолго в их памяти. В этом году наш коллектив представит совершенно новую программу, но в то же время я исполню популярные песни прошлых лет, уже полюбившиеся публике, и много родных песен.

- На малой родине в селе Карамалы-Губеево вы настоящий герой, который всегда помнит о своих друзьях и ежегодно дает концерты под открытым небом в поле, которое в народе прозвали «полянкой Ришата Тухватулина»? Что для вас означает признание на родине? Что вы чувствуете, выступая перед односельчанами?

- Концерт под открытым небом в моей родной деревне первый раз мы вместе с друзьями организовали ровно 10 лет назад, когда я еще был студентом Уфимской акаде-

мии искусств им. Исмагилова. Сценой нам тогда служил кузов грузовой машины с открытыми бортами. Электричество протягивали из ближайшего дома. Зрителей тогда собралось где-то человек двести. Сейчас у нас стационарная сцена, подведено электричество. В этом году на концерте было почти 10 тысяч человек. Приезжают люди со всех районов Башкортостана, близлежащих районов Татарстана, Самарской, Оренбургской областей. Заказываем автобусы из Уфы, Казани, Оренбурга, Набережных Челнов. То, что концертную поляну в народе называют «полянкой Ришата Тухватулина», мне, конечно, приятно. Все вырученные деньги мы передаем местному детскому саду и на лечение больных детей. В первые годы все полученные от концерта средства направляли на строительство местной мечети.

Выступать перед односельчанами очень ответственно: они помнят меня с детства, хорошо знают мой репертуар. Каждый год премьеру своих новых песен я показываю сначала им. И, как говорят в народе, «дурной пример» оказался заразителен. В последние годы многие известные татарские исполнители у себя на родине под открытым небом тоже начали проводить подобные мероприятия. Я думаю, это очень хорошо, потому что такая традиция в нашем народе была и ее возрождение это не только крупное культурное событие для деревенских жителей, но и возможность для горожан проникнуться местной атмосферой, соприкоснуться с историей края, найти новых друзей.

- Как часто вам удается бывать в родных краях? Скучаете ли по дому, родителям? Что вам особенно дорого в деревне?

- Стараюсь навещать родных по возможности часто, езжаю по пути во время гастролей. Для меня Карамалы — самое комфортное место на земле, где я могу хорошо отдохнуть и выспаться. Приезжая, общаюсь со своими родственниками и друзьями, стараюсь уделять время своим племянникам. Конечно, скучаю, по родителям: у них особая добрая энергетика. Сколько бы лет тебе не было, рядом с ними чувствуешь себя ребенком, защищенным от всех неурядиц и жизненных невзгод, поэтому покидать их каждый раз тяжело.

- Татарские певцы склонны романтизировать деревенский уклад жизни. Неужели там сейчас все так прекрасно?

- По поводу деревенского уклада жизни, скажу следующее... Я рад, что вырос в деревне, где каждый человек на виду, и каждый готов друг друга поддержать. Деревня, как заповедник, сохраняет язык народа, традиции и культуру. Там совершенно особая атмосфера, которая благотворно влияет на формирование и воспитание человека. Моя мама всегда говорила: «Прежде чем что-то сделать, подумай, что люди скажут». Деревня воспитывает уважительное отношение к людям, к чужому мнению, любовь к родной земле и, разумеется, трудолюбие. В деревне нужно и дрова пилить, и сено косить, и мотоцикл отремонтировать, при этом все это считается само собой разумеющимся. Жалко, конечно, что колхозы уничтожили. Все-таки у нашего народа предпринимательская жилка не такая крепкая. Люди у нас привыкли работать в коллективе. Из-за того что нет работы на селе, молодежь уезжает в города, поэтому жаль, что небольшие деревни вымирают, ведь вместе с ними вымирают татарский язык и традиции.

- Ришат, с чего началось ваше увлечение музыкой? Расскажите о самых интересных моментах становления себя как музыканта. Может быть, кто-то повлиял на ваш выбор профессии? Кого считаете своими наставниками?

- После окончания 9-го класса у меня были два пути: либо пойти в спорт, поскольку это мне всегда нравилось, либо в искусство. Мама работала директором сельского дома культуры, всей семьей мы постоянно помогали ей проводить различные мероприятия. В общем, после школы, под предлогом того, что надо навестить родственников, я поехал в город Октябрьский и поступил в музыкальное училище. Родители, когда узнали, сначала расстроились, потом, когда начал учиться, немало успокоились. Я поступил на класс баяна, затем перешел на фольклорное отделение в класс Галии Закировны Мусиной. На занятиях я часто видел репетиции Филюса Кагирова и был так очарован его голосом и талантом, что окончательно и бесповоротно решил стать певцом. Так что можно сказать, что эти два человека помогли мне сделать главный выбор, решивший всю мою дальнейшую жизнь.

- Большую роль в вашей жизни сыграли вокальные конкурсы. Какой из них считаете самым значимым и почему?

- В студенческие годы я участвовал во многих вокальных конкурсах. Наверное, самым значимым был конкурс «Хрустальный соловей». Этот телевизионный конкурс в Республике Башкортостан проводился ярко, участники конкурса выезжали с концертами по районам республики. Очень красиво организовывали заключительный концерт. В 2008 году я стал лауреатом этого конкурса, но самое главное, участие придало мне уверенность и умение держаться на сцене. В последующие годы также большой вклад в мое профессиональное развитие оказали конкурсы «Татар моңы» и международный конкурс татарской песни имени Рашида Вагапова.

- Какую из песен вы бы назвали для себя судьбоносной?

- Я бы сказал, что их у меня тоже несколько. Первая, с которой я стал известен у себя на родине, это песня «Гармун моңы» на музыку Нура Даутова, слова Рамиля Чурагулова. Но песня, с которой я стал по настоящему популярен, про такие песни говорят «хит», это песня Раиса Ханнанова на слова Ильдара Юзеева «Тынлачы, сандугач». Я говорю, что у песен тоже своя судьба, у этой песни нелегкая судьба, но я ее пою уже 8 лет, но в последние годы уже на слова Раиса Ханнанова. Зрители постоянно просят ее исполнить и сами с удовольствием подпевают. Еще одна песня, которой я завершаю свои концерты уже 10 лет, это песня «Карамалы-Губей» про мою деревню. Ее знают и любят не только в России, но далеко за ее пределами.

- В своих концертах вы исполняете много народных песен. Почему? Чье исполнение татарских народных песен считаете эталонным?

- Любовь к народным песням у меня с детства, от мамы. Она поет очень редкие, красивые народные песни, которых я больше ни в чьем исполнении не слышал. Прекрасно пели народные песни бабушка и дедушка со стороны мамы. Потом я учился на фольклорном отделении, где тоже мы исполняли в основном народные песни. Наш преподаватель Галия Закировна предлагала и разучивала с каждым студентом по несколько подходящих только ему песен. Любил и люблю слушать народные песни в исполнении Ильгара Шакирова, Хайдара Бегишова и Фариды Кудашевой. Их исполнение, как мне кажется, можно считать лучшим.

- Вы сами продюсируете свое творчество и сами решаете, что будете петь?

- Есть человек, с которым я работаю уже много лет. Как его назвать, продюсер или директор, не имеет значения. Он помогает мне в подборе песен, в формировании репертуара, можно сказать и в формировании имиджа. При выборе песен я также советуюсь с мамой.

- Ощущаете ли дефицит песенного материала?

- Как таковой дефицита песен нет, но есть дефицит хороших. Практически каждый день мне присылают новый материал, но большинство песен похожи друг на друга — нехитрый набор одинаковых слов и однообразная музыка.

- Есть ли певцы, композиторы, аранжировщики, с которыми вы дружите, чье творчество вам нравится и с кем готовы сотрудничать?

- Я общаюсь практически со всеми известными в Татарстане и Башкортостане композиторами, певцами и аранжировщиками. Без этого невозможно. Очень приятно, что появляется новая профессиональная плеяда композиторов, таких, как Зульфат Валиуллин, Гульназ Закирова, из старшего поколения тесный творческий тандем связывает меня с Зифой Нагаевой.

- Вы очень скромно держитесь на сцене в отличие от многих других эстрадных певцов. Ваши клипы достаточно строгие, аскетичные. Вы сознательно стремитесь к такой традиционной манере в подаче материала? Почему так дозируете элементы шоу и эпатажа в ваших программах и клипах?

- Для меня сцена — это особое место, где, как мне кажется, не все дозволено делать. Вести себя на сцене, как в ночном клубе или на банкете, я не могу. Хотя в последнее время большинство певцов сцену начали путать с корпоративной или клубной вечеринкой. Также не по душе, что наши татарские певцы пытаются подражать западу, как они говорят, хотя бы более современными. Я считаю, что наш народ имеет многовековую историю и культуру, поэтому нужно совершенствовать свою, а не подражать другим. Я знаю, некоторые не понимают и мои клипы, критикуют актрис, пишут, что «девушка аморфная». Современной

Родители: Розалия Нуруллинова и Айрат Сулейманович Тухватуллины

Ибраим Военный, журналист-общественник

Фильм «Спасти рядового Райана» и судьба Джумазие Перия

В 1998 году на экраны мира вышла картина Стивена Спилберга «Спасти рядового Райана». Фильм потряс воображение зрителей. Особенно зрителей молодого поколения. Он наполнил сердца американских граждан гордостью за чистоту нравов дедов и отцов, а также заставил людей скорбеть о жертвах, которые понесли американцы, спасая человечество от фашистской нечисти. Все критики признали фильм одним из лучших о войне XX века. Картина основана на реальных событиях, произошедших с братьями Ниландами во время Второй мировой войны.

Капитан Джон Миллер получает тяжелое задание. Вместе с отрядом из восьми человек Миллер должен отправиться в тыл врага на поиски рядового Джеймса Райана, три родных брата которого почти одновременно погибли на полях сражений.

Командование приняло решение демобилизовать Райана и отправить его на родину к безутешной матери. Но для того, чтобы найти и спасти солдата, крошечному отряду придется пройти через все круги ада...

О массовом участии крымских татар в войне говорят данные, собранные за время многолетней борьбы активистами крымскотатарского национального движения. Еще в далеком 1957 году крымские татары - участники войны обратились с письмом к высшему руководству СССР в лице Никиты Хрущева, Николая Булганина, Климента Ворошилова и Георгия Жукова.

Авторами письма были, в частности, командир 198-го гвардейского мотострелкового полка гвардии майор Сулейман Халилов, капитан Басыр Гафаров (известный ученый-филолог), майор медицинской службы Мидат Селимов (доктор медицинских наук), помощник начальника штаба артиллерии 5-го гвардейского Кенигсбергского корпуса 39-й армии гвардии капитан Сулейман Асанов и др.

Указывая на несправедливость, проявленную советским государством по отношению к крымскотатарскому народу, авторы письма призывали покончить с недоверием, подозрительностью, оскорблениями национальной чести и унижениями человеческого достоинства крымских татар. Они приводили целый ряд примеров, напроочь отвергающих лживые обвинения, выдвинутые против крымских татар официальной пропагандой.

Среди примеров в письме указывается на судьбу семьи Эсмы Сейдаметовой, о которой в январе 1947 г. писала газета «Московский большевик». Мать-героиня Эсма Сейдаметова воспитала восьмерых сыновей, все они участвовали в боевых действиях в рядах

Красной Армии. Как указывается в документе, представители этой семьи в совокупности были удостоены 35-ти правительственных наград, при этом двое братьев погибли в боях.

В последующие годы национальное движение продолжало собирать сведения об участии крымскотатарских семей в ВОВ. В документах движения указывается на отдельные примеры всенародной борьбы с фашистскими захватчиками:

семья Османа Бостанджи, деревня Улу-Сала Куйбышевского района, из 11 братьев-участников войны 5 погибли;

семья Джерия, пос. Гурзуф, воевали 8 человек, погибли 5;

семья Бекмамбетовых, деревня Буюк-Бараш Евпаторийского района, из 6 братьев-участников войны погибли 4;

семья Фейзуллаевых, деревня Азек Бахчисарайского района, из 7 человек погибли 5 (после захвата деревни Азек 7 ноября 1941 года нацистами были казнены трое младших из этой семьи — Идрис, Алие, Амет);

семья Бекаевых, деревня Кадыш Акмечитского района, воевали 6 человек, погибли 5;

семья Абдурамановых, пос. Гурзуф, воевали 4 человека, все погибли;

семья Османа Топчи, город Бахчисарай, воевали 6 сыновей и дочь Себия — майор медицинской службы, погибли 5 человек;

семья Лемановых, деревня Татар-Осман Куйбышевского района, воевали 5 человек, все офицеры в звании от лейтенанта до подполковника, 4 погибли;

семья Абдураманова Зиядинова, пос. Гурзуф, воевали 4 человека, погибли все четверо.

Эти примеры свидетельствуют о жертвах, принесенных крымскими татарами на алтарь общечеловеческой борьбы с фашизмом.

Немногим уцелевшим крымскотатарским воинам удалось увидеть своих родителей, жен и детей, которых депортировали в Среднюю Азию, на Урал, в Сибирь. Ужасы депортации и гибель своих родных и близких, вот что увидели воины-победители.

Во время депортации в степи Казахстана мать Джумазие Перия, отправившая на фронт восьмерых сыновей, попала под колеса поезда и погибла. Она так и не дождалась вестей с фронта ни от одного из своих сыновей.

Один из ее сыновей Мамут Перия после войны вернулся в родной Гурзуф и зашел в свой двор, чтобы посмотреть на отчий дом. По лестнице спустился мужчина со словами: «... Нечего ездить сюда!».

Я думаю, на основе этого сюжета когда-нибудь создадут художественный фильм, а Джумазие Перия на Родине, в Крыму поставят памятник.

Семья Перия в 1939 г. Крым.

молодежи, особенно городской, трудно понять, что девушка должна быть скромной. Потом и содержание моих песен не позволяет показывать накрашенных, с искусственной улыбкой, раздетых и дерзких девушек.

- Вас называют одним из самых красивых исполнителей татарской эстрады. У вас армия поклонниц и многих интересует вопрос, когда же вы женитесь? Так есть ли у вас кто-то на примете и какими качествами должна обладать ваша избранница?

- Вы знаете, не успеешь с девушкой познакомиться, сразу начинает объясняться в любви и не только. Наверное, поэтому до сих пор не женат. Мой идеал женщины - это моя мама. Я хотел бы найти такую же спутницу жизни - скромную, мудрую, хозяйственную. Хорошо, что такие девушки в моем окружении есть, поэтому, надеюсь, женитьбу в долгий ящик не придется откладывать. У каждого народа есть свои женские идеалы. Татарским женщинам прежде всего присущи воспитанность и скромность. Такой и хочу видеть свою спутницу жизни.

- Вы заслуженный артист Башкортостана... Извините, если вопрос покажется вам бестактным, но почему до сих пор у вас нет звания заслуженного артиста Татарстана, ведь вас обожают в республике? Какая-то черная кошка проскочила между вами и кем-то там наверху?

- К званиям отношусь спокойно. Мои земляки туймазинцы постарались, собрали документы и ходатайствовали по поводу присвоения звания заслуженного, за что я им очень благодарен. Приятно то, что меня признали у себя на родине в Башкортостане. Я там вырос, получил хорошее образование, сделал первые шаги на сцене. Присвоят какие-то звания еще или нет, разве это так важно. К тому же я только в начале пути и карьеры, поэтому, наверно, для присвоения регалий еще рановато. Звания, наверно, должны присваивать за большие заслуги?! Главное для исполнителя - это зритель. И я горд тем, что у меня есть свои зрители - люди, любящие народные и лирические песни. И еще я замечаю, насколько моя публика воспитанная! Не сталкивался пока с неуважительным отношением к себе. Хотя, посещая концерты других исполнителей, приходилось видеть, как зрители сидят в верхней одежде и громко разговаривают. Для меня это неприемлемо.

- Когда-то, судя по вашим ранним интервью, ваши родители Айрат Сулейманович и Розалия Нуруллиновна не поддерживали ваше желание

стать музыкантом. Как сейчас они относятся к вашему творчеству? Гордятся?

- Мои родители всегда за меня переживали. Скептически относились к тому, что я смогу стать популярным певцом. Они понимали, как это сложно, знали, какая конкуренция в этой сфере в Татарстане. Переживают и сейчас, понимают, какая это сложная работа. Я думаю, переживают даже больше, чем гордятся. Иногда на меня смотрят такими глазами, будто в них написано «неужели это наш сын». Перед моей мамой в свое время тоже стоял выбор: сцена или семья, но она выбрала семью. Я за это ей очень благодарен, поэтому с удовольствием приглашаю ее участвовать в своих концертах. В этом году осуществилась ее давняя мечта побывать в Москве, где она выступила со мной на сцене Крокус Сити Холла. Еще одну мечту, полететь на самолете, мы осуществили на обратном пути - всей семьей домой возвращались на самолете. Она автор многих моих песен. А мне до сих пор доставляет большое удовольствие слушать в ее исполнении песни.

- Как вы отдыхаете? Есть ли

какое-то увлечение, помимо музыки?

- В первую очередь это спорт. Я очень люблю играть в волейбол, во время гастролей, как только появляется возможность, вместе с моим коллективом встречаемся с местными командами. Кстати, ребята в моей группе уже неплохо играют и с каждым годом все больше совершенствуются. Когда бываю в Казани, посещаю игры своей любимой волейбольной команды «Зенит». Очень нравятся настольный теннис. Беру уроки настольного тенниса и волейбола у известных спортсменов. Утренние пробежки - неотъемлемая часть моей жизни. Также меня очень сильно тянет к технике, причем любой: будь то автомобиль, различные приспособления для сцены, аудио - и видеотехника. Это страсти у меня с детства. Могу часами заниматься ремонтом и настройкой техники и оборудованием, это меня даже успокаивает. Люблю придумывать различные технические приспособления.

- А есть у вас какая-то большая мечта, как говорят татары - хьял?

- Конечно, ведь без мечты нельзя жить, это то, что двигает тебя вперед. Моя большая мечта - оставить свой, пусть небольшой, след в татарской культуре. Внести свою лепту в возрождение духа, сохранение языка и традиций нашего народа. Не буду скрывать, что хотел бы выступить с сольными концертами на больших европейских и мировых сценах.

Ленар Шәех

Туган телем

Туган телем дәү әниңең Әкиятендә калган.
Дәү әтинең догасында,
Уи-ниятендә калган.

Туган телем әниемнең Бишек жырына күчкән.
Әтиемнең тире тамган Бодай кырына күчкән...

Туган телем килеп житкән Миңа әнием аша.
Аның тамыры бабама,
Әбиемә тоташа.

Туган телдә сөйләшәм мин,
Жыр жырлыым, дога кылам.
Сезне дә ана телендә
Сөйләшергә чакырам!

Илгиз белән Жилгиз

Жил күп илләр гизгән,
Илгиз моны сизгән.

«Булсам да мин Илгиз,
Илләр гизгәнем юк.
Һәм бу уйларымнан
Әле бизгәнем юк», -

Дигән беркөн Илгиз.
Моны жыл ишеткән,
Очып-очып кына
Кергән, ди, ишектән.

«Әйдә киттек, - дигән, -
Күп-күп илләр гизик.
Зәңгәр күктән карап,
Дусларга кул изик!..»

«Ярар, - дигән Илгиз, -
Әйдә киттек тиз-тиз...
Мин - гизүче Илгиз,
Син булырсың Жилгиз!»

Татарлык

Бабаларым мулла булган,
Әбиләрем - абыстай.
Коръәннәре кулда булган,
Алларында - алтын ай.

Әнием дә татар кызы,
Әтием - татар улы.
Шулай булгач, үземдә дә
Минем татарлык тулы.

Татарлыгым - горурлыгым,
Йолдызның иң ачыгы,
Көннең иң нурлы кояшы,
Иртәнең иң саф чыгы...

Үз милләтен хөрмәт иткән
Башкаларны кимсетмәс.
Татар булып калсаң гына,
Газиз милләтең бетмәс!

Ягымлы сүзләр

Иртән иртүк тәрәзәгә
Кояш нурлары чиртә.
Күземне ачам, елмаям,
Телим хәерле иртә!

Ашап туйгач, дога укып,
Битләремне сыпырам.
«Рәхмәт!» диеп әйткәч кенә,
Мин урынымнан торам.

«Исәнмесез!» - дип, чатнатып
Күрешәм зурлар белән...
«Сәлам!» - дим дә бишне бирәм,
Шакката күргән-белгән.

Көтмәгәндә төчкерәм дә
Үзем дә куркып калам...
«Сәламәт бул!» - ди әбием,
«Исән-сау бул!» - ди бабам.

Апа-абыллар килделәр
Балалар бакчасына.
«Рәхим итегез!» - дидек без
Аларның барчасына.

Ялгыш чынаякны ваттым -
Күрми калдым әллә ни...
Ачуланма инде, әти,
Гафу ит инде, әни!..

Зинһар өчен, юл бирегез!.. -
Кыңгыравы чыңламый...
Әле өйрәнәм генә бит,
Велосипед тыңламый!

Кунактан киткән чагында,
Әни: «Сау булыгыз!» - ди.
Әти исә: «Хушыгыз!» - ди,
«Исән-сау торыгыз!» - ди.

Жәйге яллар узып китте,
Хуш, авыл, сәлам, кала!
Хәерле юл тели әбкәм,
Бабам кул болгап кала.

Әни урынымны жәйгән.
Күккә ай менеп яткан.
«Тыныч йокы, тәмле төшләр!..» -
Пышылдыйм караваттан.

Яхшы гамәл

Айсылуның чәчен тарттым
юри генә,
Шуңа микән, эндәшмичә
йери менә.

Белми микән бик уйныйсы
килгәнемне,
Уйнап кына чәчен тартып
йөргәнемне?..

...Бүгеннән үк яхшы гамәл
отып кайтам -
Дәрәсләрдән соң сумкасын
тотып кайтам.

Диляра Мухамедьярова, краевед

Год рождения моего прадеда не известен. По одним источникам 1842 год, а по другим – 1849. В последнем случае, в этом году следует отмечать 170-летие со дня рождения Ишми ишана, человека очень известного в татарской истории, для кого-то фигуры одиозной, а для других – человека, достойного почитания. Взгляды историков на Ишмухамета Динмухаметова неоднозначны. Даже мне, его правнучке было нелегко разобраться во всех хитросплетениях его жизни и разнообразии трактовок его деятельности.

Начнём с того, что в деревне Верхняя Сунь Мамадышского уезда в семье земледельца родился необычный мальчик. Про таких говорят, «он родился с книгой в руке». С ранних лет Ишмухамед проявлял большой интерес к наукам, особенно, к богословию. Во время учёбы в деревенской школе он показал такие способности, что его учитель посоветовал отцу мальчика отдать его Гали хазрату в медресе деревни Тюнтер Малмыжского уезда Вятской губернии. Отец рассудил, что, пожалуй, такой ребёнок к земледелию совсем непригоден. И крестьянский сын отправился учиться в лучшей медресе в округе.

Это был чудесный ребёнок. Он старательно учился, задумывался о тайнах мироздания, постигал философию ислама и начал философствовать сам. Ему была дана большая сила. Этой силой была вера в Аллаха. Она помогла бедному шакирту постичь тайны священного писания. Он задавался сложными вопросами и искал на них ответы. Глубокое проникновение в суть Корана позволило ему стать самым лучшим из его толкователей. Говорили, что он «лучше всех объясняет суть ислама». И этому делу он посвятил всю свою жизнь.

Были в его жизни и счастливые дни, когда он занимался любимым делом, просвещая единоверцев своего прихода и обучая молодёжь в медресе, в котором когда-то учился сам. Но настали и трудные времена, когда Ишмухамед хазрат, осознав, что учению Мухамеда грозит опасность, засучив рукава, принялся защищать традиционный ислам. Эта деятельность и стала его миссией, смыслом всей его жизни.

Путь этот был нелёгким. Он привёл Ишмухамета хазрата к упорной многолетней борьбе за сохранение чистоты ислама. Когда я говорю, что мой прадед был известным кадимистом, вкладывая в это слово особый смысл, то многие смотрят на меня с непониманием. Я ни в коем случае не хочу обвинять своих соотечественников в невежестве. Это не их вина, что они не знают, как жили их праотцы. Видимо, тема эта долгое время была табу и постепенно превратилась в одно из белых пятен нашей истории. Я точно также была не осведомлена, что такое кадимизм, пока не занялась изучением вопросов, касающихся прадеда. В татарской энциклопедии о нём говорится, что он был верховным лидером кадимизма в России начала XX века. Мне пришлось изучить много литературы, и задумалась: Как мало мы знаем из жизни своих предков...

В советское время не принято было говорить о религии. Татарский народ был религиозен и благочестив. Любое вмешательство в дела религии болезненно воспринималось мусульманами. А в начале прошлого века среди татар разгоралась ожесточённая борьба. Боролись два направления в мусульманстве: кадимизм и джадизм. От результатов этого спора зависело будущее народа. Кадимизм – традиционный ислам, а джадизм – новое прогрессивное течение. Вечная борьба старого с новым. Кадимизм отстаивал свои права на существование. Его идейные лидеры разъясняли, какие опасности несут в себе любые изменения в правилах шариата. А джадисты предлагали свой взгляд на образование, воспитание, вопросы культуры, места женщины в обществе. В числе нововведений были новые методы в обучении арабскому языку, которые опирались на программы, предлагаемые царским правительством. Отстаивание своего мнения было делом принципа. В прессе развернулась активная полемика, борьба отражалась на работе медресе. Страсти накалялись. В центре этой борьбы и был Ишми ишан, который не одобрял вмешательство правительства в дела религии. Вмешательство это выражалось в том, что правительство стало платить муллам зарплату, предлагать свои учебники для работы в медресе.

Всё это облегчало работу малоимущих молодых имамов. Они поддержали эти нововведения. В то же время те, кто был против, аргументировали свою позицию тем, что эти нововведения приведут к падению нравов. Ишми ишан сделал своим лозунгом «неизменность ислама и правил шариата». Влияние проповедей Ишмухамета хазрата Динмухаметова распространялось от Волги до Урала.

В чём был залог его успеха? Главный его секрет – невероятная работоспособность и самодисциплина. Он мог работать день и ночь, не позволяя себе терять драгоценное время. Ишмухамед хазрат был строг к себе и от других требовал выполнения строгого порядка и дисциплины. Своим детям он внушал, что свободное время нужно использовать для получения знаний. И в каникулы

широких познаний, владевший несколькими языками, авторитетный имам, талантливый педагог, яркий публицист, обладавший даром убеждения, полемист, философ, пропагандист собственных убеждений. Среди мусульман его называли «Старший ишан», «Большой имам», «Великий мулла».

Идеологи атеизма точно рассчитали, сделав этого человека мишенью для насмешек. «Большой имам» был у всех на виду. Его высмеивали, придумывали всевозможные небылицы, выставляя его в невыгодном свете, использовали различные нелестные эпитеты, чтобы очернить образ самого выдающегося пропагандиста ислама. И это сработало. Даже в первой редакции татарской энциклопедии, по инерции, были повторены ничем не подкреплённые домыслы:

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

он отправлял их учиться для совершенствования навыков чтения Корана или в русскую деревню – для изучения русского языка.

До конца своих дней Ишмухамед хазрат оставался неординарной личностью. В свои семьдесят он был молод духом, увлечён своим делом, верен себе, зову своего сердца. Убеждённый в своей правоте он ушёл из жизни с гордо поднятой головой. Казалось, что весь свет был настроен против него. Но заставить его идти против своих убеждений не мог никто.

Политике царизма этот проповедник был крайне неудобен. Против него строились козни, распускались слухи, дабы очернить человека, к которому люди прислушивались и чьё мнение уважали.

Полемика в рядах мусульманства не была чистой теорией, отстранённой от жизни. Она впрямую отражалась на настроениях населения. Волнение в связи с начавшимися изменениями устоев жизни внушали беспокойство за будущее народа. Споры о «главном» стали предметом обсуждения всеми татарами. Бывали даже случаи, когда непонимание сторон приводило к откровенному избитию оппонентов. Царское правительство не осталось в стороне от этой «драки», добавляя масла в огонь, ища в разделении татарского мира свои выгоды. Как говорится, разделяй и властвуй! Это была политика, война за влияние. И Ишми ишан был втянут в политическую игру. Жаркое было время! Неизвестно, чем кончилась бы эта война умов, если бы не Октябрьская революция.

Для коммунистов все священнослужители стали врагами. Они видели в них большую опасность и преследовали всех, кто верил в Бога, в Аллаха. В своей атеистической пропаганде коммунисты выбрали из числа мусульманских священнослужителей одного. По их замыслу, это должна была быть известная, уважаемая среди мусульман личность, представитель консервативного направления. Лучшей кандидатуры, чем Ишми ишан, было не найти. Это был учёный

его книги. Эти книги были вывезены в Малмыж. Что с ними сделали? Остаётся только догадываться.

Ишмухамет Динмухаметов не был против преподавания светских наук в мусульманских медресе. Но они должны были, по его мнению, идти вслед за образованием религиозным. В его медресе преподавались научная логика, умение вести диспуты и дискуссии, риторика, даже астрономия и русский язык. Ишмухамет хазрат считал необходимым изучать русский язык, т.к. татары живут бок о бок с русскими. Исходя из этой объективной реальности, он обучал своих собственных детей русскому языку, устраивая их на летние каникулы в русские семьи. Все дети Ишми ишана стали очень образованными людьми: один стал муллой, трое учителями, один – бухгалтером. Один из сыновей, Габдельхай стал учителем – методистом, преподавателем русского языка, журналистом. Хотя Ишмухамет хазрат и видел главной бедой влияние Запада на татарский уклад жизни, он понимал и принимал неизбежность интеграции татарской и русской культур. Предвидел он и то, что влияние Запада на жизнь мусульман приведёт к потере самобытности татарского народа, ослаблению роли ислама в жизни общества, нивелированию нравственных принципов жизни татар.

Вот он и встал на защиту вековых устоев, сложившихся в жизни народа. Цементирующим звеном этих устоев был традиционный ислам. Ишмухамет Динмухаметов сделал борьбу за сохранение основ ислама смыслом своей жизни. Борьба эта вылилась в 50 написанных им книг теологического содержания, сборок брошюр и бесконечную полемику с джадистами, вылившуюся в более чем семидесяти публикациях в прессе. Он не только критиковал систему образования, предлагаемую царским правительством для мусульманских медресе, но и предложил свой вариант мусульманского образования, изложенный в письме Российскому императору. Кадимисты России заслуженно почитали его своим верховным лидером.

Не суждено было Ишмухамету Динмухаметову и его оппонентам прийти к какому-нибудь консенсусу. В этих дебатах никто не одержал победу. Этот принципиальный спор среди мусульман был грубо

прерван, а с его ведущими ораторами беспощадно разделались большевики, для которых и те, и другие были одинаково неудобны. Все были объявлены «врагами народа».

Разделаться с духовенством представлялось возможным, только уничтожив, в первую очередь, его лидеров. Семидесятилетнего Ишмухамета хазрата повели на расстрел 8 мая 1919 года после двухмесячного заключения. К реке Вятка приближалась армия Колчака. Со стариком поспешили покончить, чтобы он не мог повлиять на народные массы, подстрекая их присоединиться к Белой гвардии. Его не просто казнили, но перед этим разыграли отвратительный фарс. Чекист приказал старцу: «Брось свой Коран в огонь! – Останешься в живых!» Хазрат не доставил им ожидаемого удовольствия. Его последними словами были: «Аллаху Акбар!». Он упал, воздавая хвалу Аллаху.

Мученическая смерть сделала Ишмухамета хазрата героем в глазах мусульман. Так его и запомнили в Малмыжском уезде, таким его помнят и в Балтасинском районе Татарстана. Земляки гордятся тем, что на их земле жил и служил верой и правдой такой могучий духом человек. Никакими вымыслами не смогли вытравить из памяти народной чистый образ Ишми ишана. Их почтение к памяти Ишми ишана выразилось в присвоении его имени новой мечети, построенной в Тюнтере. Мечеть имени шейха Ишмухамета хазрата и бережно сохранённые экспонаты деревенского музея говорят о народной любви к нему. 8 мая 2019 г. в мечети прошло богослужение, посвящённое столетию подвига Ишмухамета Динмухаметова. А дело всей его жизни не пропало даром. Его труды изучаются наряду с трудами других видных богословов. Спустя сто лет после горячей полемики легко увидеть рациональное зерно в рассуждениях обеих сторон; и задача современных теологов – сберечь то ценное, что несут нам из глубины веков умнейшие и благороднейшие предки.

фигурировали такие характеристики, как «Агент царской охраны», «писал доносы на прогрессивных мулл». Впоследствии учёные разобрались, что это была ложь, выгодная антирелигиозной пропаганде. Все обвинения были сфабрикованы. Справедливость восторжествовала. В современной трактовке Ишми ишан значится как «выдающийся философ, общественный деятель, верховный лидер кадимизма». Но что делать с теми литературными произведениями советских татарских литераторов, которые считали своим долгом похода «бросить камень» в сторону поборника веры?

Вот так не повезло моему прадеду.

Сейчас, когда мы пытаемся воссоздать правдивый образ Ишмухамета Динмухаметова, невольно вспоминаются обидные клички из литературных произведений, характеризующие его. Их я не буду приводить. Только скажу, что многие стали воспринимать образ реально существовавшего человека, как нарицательный, переходящий из одного произведения в другое. Оскорбительно было слышать: «Ты ведёшь себя, как Ишми ишан!».

Возвращаясь к его биографии следует сказать, что после окончания медресе, получив дополнительное образование в Бухаре, Ишмухамет заменил своего учителя на его посту руководителя медресе и имама мечети в деревне Тюнтер Малмыжского уезда Вятской губернии. Прослужил он на этом посту сорок три года. За эти годы медресе под руководством Ишмухамета хазрата снискал славу одной из самых престижных, дающих лучшее образование.

Все обвинения в адрес Ишми ишана по поводу его косности, невежества и религиозного фанатизма рассыпаются, как карточный домик, когда берёшь во внимание следующие факты.

Библиотека Ишмухамета хазрата была огромна. Книги, которые он прочёл, едва поместились на трёх подводах. Сразу после ареста хазрата в его дом пришли с обыском, надеясь найти ценности и компромат на него. Но всё, что нашли – были

Рауль Мирхайдаров

ПОЛУСТАНОК САМСОНА

В жаркий августовский полдень он стоял на безлюдной привокзальной площади, как на распутье, когда лихо развернувшаяся роскошно-белая «Волга» окутала его пылью, словно туманом. Чертыхаясь, он долго выбирался из плотной удушающей пелены.

В отделе кадров Джуманияз-ата, огромный, с бритой головой, которую он часто протирал платком неопределенного цвета, укоризненно глядя на него, говорил:

– Не нравится? А по мне все равно, как называется должность, лишь бы работа была по душе. Смотритель зданий – инженерная должность, и не хуже другой. Кажется, даже у Пушкина упоминается: станционный смотритель...

– То то и оно, что у Пушкина, – фыркнул Адалят Кулиев.

И вот уже третий месяц он объезжал свои обширные владения, простиравшиеся на восток до станции Чиили, а на запад до Джусалы. Первое время ему доставляло удовольствие небрежно входить в мягкий вагон скорого поезда, лениво отыскивая пустое купе, и на ехидный вопрос важного проводника: «Молодой человек, вы не ошиблись вагоном?» – протягивать к удивленному лицу служебный билет формы № 3. На сером глянце добротной бумаги значилось: «Владелец формы № 3 имеет право бесплатного проезда в любое время суток на территории отделения дороги во всех поездах без исключения, в любых вагонах, включая мягкие». Вмиг преобразилось лицо проводника, и находилось пустое купе, закрытое на ключ. Это было единственной компенсацией за... «станционного смотрителя».

Но забава с проводниками надоела скоро, и он стал обходить стороной эти скучно-праздничные полупустые вагоны.

Работы оказалось много.

Железная дорога Москва – Ташкент была полностью сдана в эксплуатацию в начале века, но бурно стартовавшее столетие с двумя войнами, революциями, а главное, большим пожаром 1918 года в правлении Оренбургской железной дороги почти полностью уничтожило техническую документацию на здания и сооружения. И сейчас ему необходимо было составить типовые проекты на основные здания, жилищный фонд разъездов и полустанков. В те редкие дни, когда Адалят не проклинал судьбу, наделившую его должностью смотрителя, он с интересом осматривал добротные станционные постройки, жилые дома на высоких фундаментах из бледно-розового камня, и повсюду, в самых неожиданных местах встречал небольшие чугунные таблички с одинаковым оттиском:

«Каменные» дель мастеръ Г. И. Петровъ годъ 1903»

«Что-то наподобие личного клейма на хороших приятелях», – думал Адалят. Мысль его неотступно возвращалась к незнакомому Г. И. Петрову. Молод ли он был? Убелен ли сединами и исполосован морщинами мудрости? Как принял наш бурный век? Долго ли жил? Может, задохнулся от газа в сырых окопах первой мировой, а может, могучий, как и творения рук своих, пришел в народное ополчение в грозные революционные годы?

Придирчиво глядя в кладку, он обходил огромные, на три крыльца, дома и нигде не встречал в стенах подрубленного, тесаного кирпича. Запроектировано и сработано на удивление. Высокие стены, уходящие под застрехи порыхелых крыш, казались отлитыми блоками или даже декоративными панно, где по швам искусно прошлась кисть художника. Он мерил шагами узкие перроны полустанков, с грустью смотрел на обшивку некогда уютных залов ожидания. Большие плиты темного мореного дуба исчезли под многослойной краской ядовито-зеленого цвета, тончайший узор наличников похоронен под толстым покровом рыжего сурика.

Станцию, расположенную на высокой затяжной насыпи, переходящей затем в крутой подъем, кончающийся арочным мостом над широким протоком Сырдарьи, Адалят запертил уже давно. Проезжая мимо нее, не доверяя мутному оконному стеклу, он открывал дверь тамбура и гляделся в набегающие постройки, радовавшие глаз своей ухоженностью. «Да, пожалуй, она самая сохранившаяся», – не раз думал он, глядя на два высоких фонарных столба, мелькавшие у выхода на перрон; на тяжелых витиеватых кронштейнах из черного железа, при целых матовых стеклах, висели маленькие дворцы света.

Где-то в глубине души Адалят лелеял тайную мечту восстановить, насколько это возможно, в первозданной красоте здания хотя бы нескольких станций.

После долгих раздумий и колебаний он прибыл сюда на неделю. Весь первый день довольный задуманным осматривал здания, лазил по крутым крышам, кое-где прогнавшим, и глухим чердакам. Толстая тетрадь полнилась записями, схемами, рисунками, эскизами. Но к вечеру он страшно устал, и тут навалилось сомнение: «Филантроп. Сентиментальная барышня! Кому все это нужно? Сизифов труд, – выговаривал он себе. – В грядущем веке авиации кто будет ездить поездами? Уже сейчас скорый мелькнет, и – поминай как звали. Кто при таких скоростях станет глядеть в окно? Друзья строят КамАЗ и БАМ, а я... станционный смотритель... Делать чертежи и выкройки на сложнейшую кровлю, не зная, кто ее сможет выполнить?.. Где я найду тех, кто сможет вернуть к жизни краски, высвободив их из-под толстых слоев штукатурки?! Да и примут ли такой необычный проект капитального ремонта в дистанции зданий и сооружений?»

Все эти трудноразрешимые вопросы обрушились на него грузно и вдруг. Дрогнула, зашаталась, не выдерживая тяжести, его тайная хрупкая мечта. Нельзя сказать, что обо всех сложностях Адалят не задумывался

до приезда сюда. Но там, в тиши служебного кабинета, мысленно он находил выходы, устранял препоны и рогатки на пути к цели. Куда же теперь девались доводы, казавшиеся столь объективными и вескими, когда он сидел за столом?!

Продрогшее ноябрьское солнце скрылось рано, густые вязкие сумерки за давно не мытыми окнами медленно заглывали здание вокзала, буйно разросшиеся в ограде высокие орешины и две блестящие серебром тонкие нитки главных путей.

Адалят рывком расстегнул безотказную «молнию» большой дорожной сумки малинового цвета с золотым тиснением на боку «Адидас» и затолкал в нее в беспорядке вещи. Хлопнул дверью необжитой комнаты и пошел на станцию.

– Чиновникам из департамента наше почтение! – приветствовал Адалята дежурный по станции – пропитанный насквозь иронией долговязый Сакен. – Если от вынужденного одиночества мне не изменяет память, завтра, в мой свободный вечер, вы званы ко мне на ужин?

– Саке, перестань, и без тебя тошно, лучше свяжись с диспетчером.

– Я к вашим услугам. – Сакен шагнул к пульту. Небрежно, как репортер, держа микрофон, бросал в него торопливые слова: – ...диспетчер... диспетчер... Тлеукул? Привет! Только заступил на смену? Отлично!.. Вдвоем будем ночь коротать... У меня к тебе просьба: здесь застрял мой приятель, – он озорно подмигнул Адаляту, – новый смотритель зданий... Так вот, ему вдруг срочно понадобилось в город, тормозни у нас какой-нибудь четный состав...

На минуту эфир замолк, а затем Адалят услышал ровный голос с хорошей дикцией:

– Сакенджан, при всем желании ничем помочь не могу, как назло, все четные несколько опаздывают, и я обязан вновь вернуть их в график. Разве что к полноте... ты уж извини.

– Не судьба, – философски изрек Сакен.

– Сплошное невезение, – буркнул Адалят, протягивая пачку сигарет «БТ» дежурному.

Сакен неуловимым движением губ, как фокусник, быстро выпустил очередь разнокалиберных колец, медленно поплывших по комнате.

– Слушай, Адалят, у меня к тебе личная просьба. Пришли, пожалуйста, печника – дьявольски холодно у меня зимой. А может, у тебя есть кто из старых мастеров, кто камин может отгрохать, как на околотке у дорожного мастера? Я бы его не обидел за услугу... Знаешь, смотритель, чего не хватает в одиночестве? Пляшущего огня... Зимой тоска и одиночество ощущаются гораздо острее, и я часто звоню на околоток дорожному мастеру. Задаю ему обычный вопрос: «Можно прийти посидеть у огня?» И всегда слышу искреннее: «Разумеется». Прихожу. Сажу. О чем я думаю в долгие зимние часы у огня? А ни о чем. Гляжу на отблески и вижу... Понимаешь, камин – мой экран. Что я вижу?.. Разное...

Спохватившись, Сакен отбросил обжигавшую пальцы сигарету.

– Адалят, тошно смотреть на твою постную физиономию, нагоняешь тоску, катись отсюда. Впрочем, вот что – сходи к Нагаеву на околоток, совмести приятное с полезным. Здания у путейцев, пожалуй, в лучшем виде. Старик Самсон, мир праху его, хороший хозяин был. Возьмешь что-нибудь почитать... иди... иди... Я позвоню о вашем сиятельном визите, – и Сакен вытолкал Адалята на улицу.

Участок дорожного мастера располагался почти в степи, где за стрелками станционные пути убежали на перегон.

Адалят поправил шарф, поднял куцый воротник старого демисезонного пальто и двинулся на зеленый глазок семафора. И сразу почему-то подумал, что никогда в жизни не видел вблизи настоящего семафора... «Не успел, – вот ведь досада...»

Снег еще не выпал, но запах его уже третий день ощутимо витал в воздухе. Поздние пальцы листьев мягко поскрипывали под ногами. Адалят перешел к самой бровке восьмиметрового полотна. Внизу, в сотне метров, раскинулся странный поселок. Десятка два усадеб-хуторков, каждый из которых стоял в отдельности. Усадьбы находились на изрядном расстоянии друг от друга и казались маленькими древними крепостями.

Сурова и коварна река Сырдарья: весной взбунтуется, переполнит могучий проток Кара-Узья, и заливает вода низину, плещется Сырдарья у самой бровки станционной насыпи, у порога высоких крепостей...

Слабый кизячный дым стлался над пристройками, излучавшими бледный свет запотевших окон. Иные хуторки уже потонули во мраке и тишине, как вдруг в темноте заливалась собака, испуганно ржала лошадь – и звездочкой вспыхивало окно в сонном дворе.

Чем ближе подходил Адалят к поселку, тем острее пахло тонким ледком могучей желтой реки и промерзшим молодым камышом. Семафор прикрыл зеленый глаз и моргнул красным – нечетный, где-то идущий за его спиной, делает остановку, а четный, которому на другом конце станции зажегся зеленый свет, максимум через две минуты прогрохочет мостом над протоком Кара-Узья, молнией сверкнет через станцию и растворится в темноте перегона. Адалят вспомнил паузу в эфире и понял, что только одна минута опоздания четного мешала опытному Тлеукулу притормозить на станции спешивший навстречу состав.

«Одна минута... из-за нее тащись теперь невеста куда... Впрочем, я уже пришел», – думал Адалят.

Высокая и широкая – на четыре пути – станционная

насыпь резко метнулась вправо и образовала огромное плато, по которому разбежались пристройки путейцев. Два больших жилых дома, длинное здание, служившее, наверно, складским помещением и мастерскими, и чуть впереди небольшой затейливый флигель с трех сторон были обнесены оградой. Адалят прошел под каменной аркой и направился к флигелю. В прихожей ярко светило окно, он хотел постучать, как вдруг чуть правее увидел какую-то ручку и дернул ее. В доме раздался мелодичный удар колокола, и тотчас ему открылись, словно ждали.

– Видите ли, я... – начал Адалят.

– Проходите, проходите, мне звонил о вас Сакен. – Широко распахнув дверь, в прихожей стоял мужчина чуть выше среднего роста в грубом, домашней вязки свитере из желтой верблюжьей шерсти. – Прошу, – он толкнул дверь в комнаты, и Адалята удивил мягкий тембр голоса, явно не вязавшийся с лицом, выдубленным жарким солнцем, жгучим морозом и колючими ветрами.

Пройдя в комнату, Адалят повернулся и протянул руку:

– Кулиев Адалят.

– Рашат Нагаев.

Сильная рука Адалята хрустнула в жесткой ладони хозяина дома.

– Когда в доме гость, – праздник, если он новый – вдвойне, так говорила моя мама, – сказал мастер, придвигая Адаляту стул. – Вы побудьте немного один, если интересно, посмотрите книги, а мы в столовой как раз накрываем стол, поужинаем, отметим приезд нового смотрителя зданий, – улыбаясь, Рашат бесшумно вышел из комнаты.

Адалят встал, поставил стул на место и огляделся.

Слева поблескивал потрескавшимися изразцами камин, за решеткой тлели дрова, аккуратная горка поленьев и тяжелые щипцы словно ждали Сакена.

Чуть дальше, в углу, на полу стояли часы в высоком корпусе из красного дерева. Крытый сальным золотом маятник отбивал: тик-так, тик-так... Адалят подошел поближе, на белой эмали циферблата знакомая черная вязь: «Павель Буре».

Он обернулся. На резном секретере с гнутыми ножками, множеством затейливых ручек и медных замков, с торчащими кое-где ключиками высился настоящий бронзовый замок с башнями, колоннами. Повыше, между башенками, круглел циферблат. «Ну, это «Мозер», – решил он и не ошибся. И вдруг ему стало скучно.

«Только снов мне здесь не хватало», – подумал Адалят и уже без интереса заглянул в следующую комнату. За массивным письменным столом с точеными ножками увидел кресло. Высокая прямая спинка вальтеровского кресла блестела отполированной спинами кожей. В углу, на высокой изящной консоли из черного дерева – бронзовый бюст Пушкина. В книжных шкафах аккуратные ряды сытинских и Марксовых изданий. В глаза бросилось роскошное сойкинское издание серии «Золотая библиотека» для детей. Большинство этих редких изданий Адаляту было знакомо. «Библиотеку купил на корню, так любовно и со знанием собрана», – с завистью подумал Адалят.

Дома, в Баку, весь прошлый год Ая водила его к родственникам и друзьям, таким же сном, как этот. И за год его цепкая память вобрала стили, эпохи, и подсознательное чутье безошибочно определяло: венецианское стекло и мейсенский фарфор, русский хрусталь и бронзу древнего Китая, дерево Бенина...

Аю приводило в восторг, когда Адалят в очередной фешенебельной квартире, не давая открыть рта хозяину дома, небрежно называл эпоху, стиль сервизов, мебели, бронзовых бюстов. Десятки раз он говорил Ае – хватит! Но что-то непонятное тянуло ее к ним – пришлось расстаться.

Адалят вернулся в зал, открыл крышку пианино, – конечно, «Шредер»! Пробежался по клавишам.

«Вот тип! Угробил свою молодость в глуши, чтобы приобрести все это барахло!»

Адалят представил, как ежегодно по бесплатному льготному билету приезжал Рашат в Москву или Ленинград, обходил антикварные магазины и, словно Плюшкин, тащил... Тащил к себе...

Застекленная дверь в залу бесшумно отворилась, и вошел Рашат.

– Идемте, Адалят, – он приветливо пропустил гостя вперед.

Под массивной люстрой на большом столе, покрытом белой крахмальной скатертью, отливал золотом усач; толстые ломти жирного сазана, фаршированного в томате, лежали в рыбнице; куски пахнущего дымом окорока соседствовали с котлетами из печени. В центре дымилось огромное блюдо с мелкими пельменями из крутого теста. Из-под скатерти виднелись массивные ноги дубового стола, и Адалят с усмешкой подумал: «Об этом столе не скажешь, что он «ломился» от яств. Однако спектакль только начинается...»

Вошла женщина в строгом платье вишневого цвета. В каждой руке она несла четырехрожковые подсвечники с голубыми свечами. Поставив их на стол, мило улыбнулась и сказала:

– Ну, кажется, все.

– Адалят, знакомьтесь, – моя жена.

Красивая белолицая казашка протянула узкую теплую ладошку:

– Мадина.

– Вы знаете, Адалят, сегодня в нашей семье торжество: восемь лет назад в этот дом приехала Мадина. Восемь свечей, что я зажгу, – наша традиция.

Вспыхнули и затрещали свечи, наполняя столовую ароматом хвои.

– Чаще всего мы отмечаем свои праздники одни, мало кто задерживается на нашей станции. В прошлом году был Сакен, теперь мы рады вам, и я предлагаю тост, – он обернулся к Мадине, – за хозяйку дома!

Мадина любезно подкладывала Адаляту закуски, подавала крахмальную салфетку, но возникшее предубеждение не проходило, он ждал, что же дальше?

Рашат заинтересованно расспрашивал о Баку, об

эстрадном оркестре Рауфа Гаджиева, о квартете «Гайя», о художнике Таире Салахове.

Во время паузы Адалят оглядел столовую, стоящий напротив буфет и, приподняв за тонкий стебелек бокал, сказал:

– Чтобы собрать в такой глуши всю эту мебель, посуду, роскошную библиотеку, наверное, потребовалось немало усилий?

Рашат, словно не замечая иронии, откинулся на стуле, запрокинул чуть припорошенную сединами голову, и комнату залило искренним смехом, таким веселым и беззаботным, какого Адалят давно уже не слышал. Он смотрел на десятки мелких морщинок, лучившихся у глаз Рашата, и чувствовал, как невольно попадает под обаяние этого человека.

– Мад, а ведь молодой человек сидит за столом и прокликает Сакена, думает, вот только здесь еще ему снобов не доставало!

Рашат провел рукой по лицу, придвинулся ближе к столу.

– Все гораздо проще и сложнее, чем вы думаете. О «захоронении в глуши» можно, конечно, поспорить, а вот антураж, – он небрежно обвел вокруг сильной рукой, – тайны особой не имеет. Я приехал на станцию в 1959 году. В отделении дороги мне объяснили, что старый мастер Гавриил Сергеевич Самсонов пожелал уйти на заслуженный отдых, и я направлен ему на замену. До зими я должен был ознакомиться с хозяйством, почти пятьдесят лет бывшим в одних руках, принять его. Нельзя сказать, что старик принял меня с распростертыми объятиями. Видно, уж очень молодой показался я ему, мои двадцать два для него были мальчишескими. И я понимал его: труд долгих лет, налаженное хозяйство переходило в руки незнакомого, не умудренного жизненным и профессиональным опытом человека. Но тянулись долгие жаркие дни лета, теплой осени – и я замечал, как таял ледок недоверия ко мне.

В коридоре раздался звонок телефона, и Рашат, извинившись, встал из-за стола. Вернувшись через несколько минут, он продолжал:

– Я бывал в этом доме почти ежедневно. В плохом настроении Гавриил Сергеевич говорил: «Вот умру – флигель отойдет к тебе, он строен для дорожного мастера. А обстановку, – старик оглядывал комнату, – наследницы продадут с молотка».

Жил Гавриил Сергеевич один, жена умерла за два года до моего приезда. Единственная дочь, которую еще девочкой увезла к себе в Москву его сестра, выросла чужой и не понимала родителей, всю жизнь обитавших в глуши... Из года в год он ежемесячно отсылал им приличную сумму из своего большого жалования, и семья в старинном московском особняке на улице Остужева жила на широкую ногу. Умер он неожиданно, так и не успев погулять ни одного пенсионного дня. Похороны, по нашим масштабам, были грандиозные. Самсона тут любили и почитали. Казахи из соседнего совхоза согнали всю технику и за сутки насыпали на берегу Кара-Узья высокой курган, где его и погребли. Наследницы прибили с запозданием, хотя телеграмму я дал, как только почувствовал, что старик совсем плох.

За окном зарохотал поезд. Пассажирский, промелькнув изредка светящимися купе, исчез в ночи. Все невольно повернулись к сполохам света. Когда грохот утих, Рашат продолжил свой рассказ:

– Приехали, значит... Крепкая старуха и важная дебилая женщина в каракулево манто. Не понравились они мне уже при первой встрече.

Декабрь стоял морозный, флигель нуждался в отоплении, и они попросили меня пожить с ними. Неожиданно свалившееся наследство внесло в их жизнь сумятицу. Ценные бумаги – целый чемодан облигаций, среди которых толстая пачка трехпроцентного займа и сберегательная книжка, где на вкладе все давно завещано дочери, – забот не вызывали. Мебель, посуда, книги, люстры, светильники, пианино и многое другое – что было делать с ними? Старуха предлагала забрать кое-что и сдать в московские комиссионные, на что дочь, видимо, знаток подобных мест, говорила, что они забыты такими вещами и редко кто их покупает. Да и перевозка страшила их.

Однажды, в воскресенье, за обедом я предложил: «Если доверяете, оцените имущество, и я ежемесячно буду выплачивать своеобразную ренту. – Не скрывая иронии, я сказал: – Вы будете считать, что ничего не произошло, и переводы регулярно, как и прежде, еще несколько лет будут идти с берегов Сырдарьи...» Но работа настолько поглотила их, что ирония осталась незамеченной. А идея пришла им по душе. Тем более, что они справились у начальника станции, действительно ли я буду на должности мастера. Кое-что они забрали: помню – большой портрет матери Гавриила Сергеевича, умершей здесь в тридцатые, огромный гобелен из зала. Остальное, видимо, их не интересовало... Наталья Гавриловна назвала сумму, довольно приличную, но я не возражал. Вскоре наследницы уехали, и каждый год, пока не выплатил долги, я получал традиционные новогодние поздравления и приглашения посетить Москву.

В камине догорали дрова, и серый пепел покрывал светившиеся в полумраке залы угли. Рашат поспешил к очагу. Звякнули тяжелые щипцы, и взвился сноп искр, тут же пропавших в дымоходе.

– Особого восторга или сожаления по поводу своего приобретения я не ощущал. Просто не хотелось, чтобы мрачное предсказание старика сбылось. Все таки он был личностью. За полгода общения я ни разу, даже в прескверном настроении, не слышал от него, чтобы он жалел о полувек, отданном тридцати километрам пути в тысячах верст от России, любил которую беззаветно. Иногда вдруг он говорил мне: «Хлебнешь пару паводков, плонешь на все и убежишь, а за тобой второй... третей».

Я не желал, чтобы сбылось и это. Может, дом давал старику Самсону уверенность и силу? Проще – я не хотел ничего менять. От добра добра не ищут. С годами я привык к столь необычной обстановке, ко всем этим ве-

щам. Мадине здесь понравилось сразу, нравится и нашему маленькому сыну Ренару, он сейчас в Алма-Ате, у бабушки. Вот и вся история, Адалят.

Пока Рашат рассказывал о своем доме, Мадина приговорила чай, принесла целую горку румяных баурсаков.

За чаем Адалят заметил, как исчезло нелепое предубеждение, возникшее у него сначала. Он все больше и больше проникнулся симпатией к хозяевам дома и чувствовал, как медленно тонет в тепле и уюте хорошо протопленного, любовно ухоженного дома. Разговор переключился на работу, и Адалят поведал о тревогах и сомнениях, приведших его на станцию. Из столовой перешли в зал. Посидев немного с ними, ушла спать Мадина.

– Ей рано вставать. Совхозная школа в четырех километрах от станции, а ходит она туда пешком, – объяснил Рашат.

Адалят сидел на корточках у камина, подкладывая поленья на тлеющие угли.

– Рашат, а все таки, наверное, иногда хочется плюнуть на все и укатить в город, где люди, развлечения?

Адалят не слышал бесшумных, вкрадчивых шагов, но чувствовал, как мастер, что-то обдумывая, ходил за его спиной.

– Трудно и неумоготу бывает. Тоска захлестывает порою беспричинно, но чтобы бросить, плюнуть и уехать – такой мысли не было.

Рашат подошел к камину, и красные отблески огня заглядели на его бронзовом лице.

– Адалят, ты заметил окно в прихожей, обращенное в степь? Оно светилось ярко? Седьмой десяток в этом окне всегда горит огонек, не гас он и при мне. За долгие годы в ненастье он сослужил службу многим людям. Ну ка, идем со мной... – он провел Адалята в кабинет и усадил в высокое кресло.

Стоя на лестнице, Рашат снимал с антресолей какие-то папки, толстые пачки исписанных листов бумаги, чертежи... Адалят углядел в глубокой пепельнице трубку и, не удержавшись, взял ее, на секунду ощутив прохладу оникса. От трубки приятно отдавало неизвестными табачными запахами, на золотом ободке Адалят пытался разглядеть выгравированные инициалы, но, увы, время стерло их на нет.

– Можно, я закурю трубку?

Рашат достал с полки коробку с табаком.

– Это Гавриила Сергеевича... Я не курю трубку, Сакен пользуется ею иногда. Мне кажется, она ему нравится, когда он надувает уехать или решит остаться надолго, – я подарю ему.

Рашат разложил на столе бумаги, среди них Адаляту бросились в глаза две относительно новые тетради, толстые, в колленкоре.

Адалят протянул мастеру сигареты. Закурив, после некоторого молчания Рашат сказал:

– Мне придется вновь возвратиться к Гавриилу Сергеевичу, впрочем, кроме меня, никто его так не величал: Самсон – так называли все, и, наверное, на сотню километров в округе не было человека, не знавшего его. Высокий, прямой, кряжистый – силы духовные и физические он сохранил до последних дней. Самсон был первым из русских людей, кто учил местное население и языку, и ремеслу дорожного рабочего, строить дома из старых шпал и класть печи, лечить скот и возделывать огороды...

С бронзового замка на секретере кукукнула кукушка, в ответ глухо отбили часы на полу в высоком корпусе красного дерева. «Два часа пролетели!» – мелькнула у Адалята мысль и тут же пропала.

– С годами росли дети, и дети детей... Они уезжали, учились и возвращались в родные места или селились неподалеку: казахи редко и неохотно покидают родные края: врачи и агрономы, учителя и животноводы, а чаще всего специалисты, окончившие транспортные вузы. Многие из них стали директорами совхозов и школ, секретарями райкомов близлежащих районов, начальниками многочисленных служб транспорта. И для всех Самсон был самым почитаемым человеком. Труд Гавриила Сергеевича был отмечен государством двумя орденами: орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени, чем старик несказанно гордился.

Уважение народное и слава трудовая не обошли его. Старик никогда не говорил высоких слов, только день ото дня расширял и расширял до бесконечности круг своих дел, которые он вел многие годы. Признаться, даже о половине его работ я не имел представления. Путьцы – одна из немногих в нашей стране профессий, чей труд оплачивается только по качеству. Проскочит в хвосте скорого поезда ежемесячно вагон-путеизмеритель – и получай, что заслужил.

Однажды явился к нему рабочий с соседнего разъезда и говорит: «Возьми, Самсон, на работу, пять дней у меня, не могу так жить, то девяносто рублей, то сто пятьдесят, а делаю все, что велит мастер». Старик отвечает: «Как же будешь на работу ходить, далеко ведь?» И представил себе – десять лет ходил, ни разу не опоздал. У Самсона не было оснований не доверять своим рабочим, но он всегда проверял. За долгие года он уволил только двоих: обходчика и путевого рабочего. Много лет вслед им говорили: «Их уволил Самсон», – и подразумевалось, что эти люди не внушают доверия. «На нашей работе нельзя работать спуская рукава, а нужно отдаваться ей целиком», – говорил он. – Путь, как малое дитя, нельзя оставлять без присмотра. Дорога – это жизни людей, и всегда – в дождь и ненастье, темь и зной – в любое время суток на обочине должен быть человек». И только однажды ночью на перегоне старик не застал обходчика. День этот был для того последним днем работы на железной дороге.

Стряхнув пепел сигареты в пепельницу, Рашат продолжал:

– Иногда, совершая ночной осмотр, вместо обходчика я встречаю его сыновей с отцовской амуницией. Особенно часто случается такое летом, когда студенты возвращаются на каникулы. Живущие вдоль дороги

казахи, можно сказать, потомственные железнодорожники. В большое половодье, если путям угрожает вода, целыми семьями приходят они на помощь.

А вот бумаги... В них записаны данные о Сырдарье за все годы: о начале ледоставов, когда пришлось взрывать лед, в каком году вышла вода из берегов и стояла у насыпи. В других – данные о размытых путях и переездах, о суровых зимах и снежных заносах. О дренажах, существующих и забытых. Вот чертежи на бугуты, дамбы вдоль реки и протоки, построенные одновременно с дорогой. Многие заросли камышом и превратились в осевшие холмы. За пятьдесят лет река меняла русло, мелела, уходила и возвращалась к дороге. Все учтено. На этом листе чертежи и описание фашины – средства для защиты дамб и железнодорожного полотна от паводка, старик придумал и изготовил их сам из местных материалов. Сейчас его фашины применяют на многих дорогах. А тут чертежи зданий околота и вокзального строения, старик до войны силами своих рабочих делал ремонт.

Адалят аж привстал, так обрадовало его сообщение. Чертежи зданий и сооружений! Он считал их безвозвратно утерянными.

– Сколько пришлось ему воевать с менявшимся начальством, чтобы уцелело все то, что радует нас сегодня.

Взволнованный Рашат мерил бесшумными шагами кабинет, впервые ему пришлось говорить так много об участке, которому он отдал немало лет, не заметив, как прошла молодость и поседела голова.

А этот симпатичный и смелый паренек сказал: «захоронение в глуши...» Как объяснить ему, чтобы понял, что не зря?..

– Многие считали, что мне, пришлому, – повезло. Получил образцовый участок, сложившийся коллектив, но мало кто задумывался, что сегодняшнее – еще не завтра. И на мою долю выпадали и еще будут паводки, может, и невиданные доселе, еще быстрее и чаще пойдут поезда. И людей от меня будут уводить более высокие заработки совхозов, и близлежащий город сманивает молодежь. Сварятся в тысячеметровые плети рельсы и побегит по ним ток, – попробуй смени быстренько лопнувший рельс! Да мало ли забот предьявляет быстро бегущее время? Были скептики, говорившие: «Завалит дело молодой мастер, куда ему после Самсона». Нет, я не хотел, чтобы умерла легенда о старике Самсоне как большом путейце и хорошем хозяине, но я не мог, чтобы восторжествовало неверие в молодое поколение, новую школу путейцев.

Вдруг Рашат замолк, не то подбирая более точные слова, не то задумавшись, и Адаляту показалось, что, рассказывая ему все это, Рашат словно отчитывается перед Самсоном.

– На утверждение себя и новых принципов в работе ушли годы, честно говоря, я их и не заметил, ведь дело, которое считаешь своим, никогда не в тягость. По-прежнему скоро и безопасно идут поезда, катит свои воды та же желтая могучая река, и не так страшна она, когда знаешь ее повадки. По-прежнему в прихожей светится окно, но это скорее символ – степь давно уже стала другой. И полнятся новыми записями другие тетради на пользу тем, кто заменит нас. Скептики стали оптимистами, при случае жмут руку и говорят, что хорошая школа пошла впрок. Я не возражаю.

Мадина с сыном иногда уезжают на лето к морю или к бабушке. Она понимает меня и мою работу и никогда не настаивает, чтобы я их сопровождал. Растет сын, с годами, может, и его поманят иные просторы, удерживать не стану. Каждому в жизни нечужден свой путь. И дороги мы вольны выбирать сами. И зря ли прожиты годы в глуши и была ли какая-то жертва, решай сам, Адалят.

Они молча посидели в кабинете, затем вернулись в зал.

– Может, выпьем? – предложил Рашат.

– С удовольствием. Если можно, неплохо бы чашечку кофе.

– Все можно, – улыбнулся мастер.

Адалят постоял у тлевших углей камина, вернулся к столу и бережно расправил чертежи, захваченные из кабинета. Рука невольно потянулась за карандашом.

– У тебя еще будет много времени поработать над ними, – сказал неожиданно оказавшийся за спиной Рашат.

И завязалась между ними беседа, легкая и непринужденная, словно встретились давние хорошие приятели.

Старые часы в зале пробили полночь, и Адалят стал собираться. Он протянул хозяину на прощание руку, и вновь она хрустнула в жесткой ладони мастера.

На улице густо валил снег.

Пройдя в заснеженную арку ограды, он услышал:

– Адалят, приезжай к нам встречать Новый год!

– Непременно приеду, – прокричал в ответ Адалят и побежал вниз, к станции.

Крупные хлопья снега падали медленно, ему показалось даже, что потеплело, а может, тепло доброго дома еще согрело его?

Подходя к станции, он увидел зеленый огонек семафора у выхода главных путей. И, как бы подтверждая догадку, сзади на мосту протока Кара-Узья зарохотал поезд, из дежурки показалось щуплая фигурка в шинели. Увидев издали Адалята, человек неестественно быстро метнулся обратно. Через мгновение он появился вновь с большой сумкой в руке. Сакен что-то кричал ему, показывая на катившийся с горы поезд. Поскрипывая тормозами с затяжной насыпи, состав остановился.

– Быстрее садись, остановил на секунду из-за тебя, – крикнул Сакен.

– А я не собираюсь никуда уезжать, ты что-то путаешь, Саке джан.

Сакен застыл на мгновение и... залился неожиданным смехом.

– Трогай, – прокричал он высунувшемуся из кабины тепловоза машинисту.

А снег все падал, падал...

Ташкент, 1971г.

Фирдаус Калимуллина, ведущий научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ

О касимовских царях и царевичах

Научное наследие русского востоковеда, тюрколога В. В. Вельяминова-Зернова (1830–1904) по истории как Касимовского ханства, так и других тюрко-татарских государственных образований XV–XVI вв. имеет непреходящее значение. Ученый разносторонне изучал историю мусульманских народов Поволжья, Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока. «Ориенталист и страшный любитель всего восточного», – вспоминал о нем офицер Отдельного Оренбургского корпуса Б.Ф.Залеский. Монография В. В. Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских царях и царевичах» (1863–1887) стала классической.

В. В. Вельяминов-Зернов был не только исследователем. Долгие годы он работал секретарем Русского археологического общества, активно трудился в Петербургской АН и Русском географическом обществе. Важно отметить, что В. В. Вельяминова-Зернова нередко называли «тенденциозным историком», не учитывая при этом как особенность авторского стиля, так и специфику создания его важнейшего труда. Многие его взгляды трактовались упрощенно и однобоко.

При анализе «Исследования...» ученые часто не обращают внимания на то, что каждая часть монографии составлена из отдельно подготовленных статей, в которых по ходу исследования у автора постепенно менялись взгляды на те или иные вопросы. Каждую новую статью об отдельных ханах он создавал автономно и, не возвращаясь к прежним текстам, отдавал в печать по мере написания. Эти статьи постепенно накапливались и составили четыре части труда. Не прочитав от начала до конца все четыре (особенно первые три) части монографии В. В. Вельяминова-Зернова, по определенным отрезкам работы нельзя утверждать о каких-либо его окончательных выводах по проблеме.

Следует учесть также особенности стиля изложения ученого. В тех случаях, когда сведения источников сильно противоречили официально принятым идеям о Касимовском ханстве, их тексты Вельяминов-Зернов помещал в свой труд без комментариев. Это, во-первых, повышает значение его работы, поскольку автор не навязывает читателю каких-либо субъективных оценок; во-вторых, к сожалению, в ряде случаев затрудняет выявление взглядов самого ученого на отдельные проблемы, поскольку трактовать источник можно по-разному.

Одной из особенностей труда В. В. Вельяминова-Зернова о Касимовском ханстве является то, что он был осуществлен не совсем в том виде, как планировал сам автор. Этому, в первую очередь, помешала внезапная болезнь, которая проявилась в начале 1870-х гг.

«Ученая деятельность В. В. Вельяминова-Зернова возбуждала особый интерес и большие надежды... и надежды эти

не сбылись, они рухнули разом. Все оборвалось как бы на полуслове. Переутомление, на которое он не обращал внимания, вызвало нервный удар», – охарактеризовал внезапную болезнь тюрколога его коллега Н.И.Веселовский. По показаниям врачей посоветовали В.В.Вельяминову-Зернову покинуть Петербург с сырым климатом. У востоковеда началась новая полоса в жизни, связанная с постоянным пребыванием за границей по болезни. Он каждую зиму стал проводить в Италии (Флоренция), Швейцарии, а на лето приезжал в свое имение, которое находилось в селе Корсунское Орловской губернии.

Работа над четвертой частью монографии о Касимовском ханстве была приостановлена. За границей, в годы болезни, В.В.Вельяминов-Зернов вплотную занялся историей Крымского ханства, привлекая итальянские архивные материалы. Но эти изыскания не поддержали, в 1878 г. он был исключен из состава Петербургской академии. «Немцы не смогли сделать ему льготы, каких давали академиком германского происхождения, т.е. дозволить, оставаясь академиком, жить за границей», – писали современники ученого.

А между тем готовые к изданию рукописи четвертой части монографии В.В.Вельяминова-Зернова так и оставались лежать на складе Петербургской АН, «пока не были уничтожены как макулатура», как писал Н.И.Веселовский. В 1880 г. на одном из заседаний общего собрания Русского археологического общества востоковед В.В.Григорьев выступил с речью, в которой упомянул о четвертой части монографии В.В.Вельяминова-Зернова. Под воздействием речи В.В.Григорьева общество приняло решение о том, что Вельяминов-Зернов за месяц должен завершить все подготовительные работы по изданию завершающей части «Исследования...», в противном случае публикация труда планировалась без участия самого автора.

Представляют интерес последующие события. В.В.Вельяминов-Зернов, направлявшийся из своего имения за границу, остановился в Петербурге и присутствовал на следующем заседании Восточного отделения общества. Здесь он впервые услышал об условиях, выдвинутых ему обществом по поводу издания последней части монографии. Его сообщение полностью противоречило словам В.В.Григорьева, заявившего о наличии взаимной договоренности по этому вопросу. Он сообщил, что текст четвертой части «Исследования...» подготовлен к изданию еще до болезни, но не завершена работа по приложениям. Ученый заметил: «Соглашаться с постановлением общего собрания, т.е., как я понимаю, передать мою рукопись для напечатания другому, я признаю

Историк Владимир Вельяминов-Зернов

ровным образом невозможным... Долгом считаю заметить, что ни разу никаких напоминаний со стороны общества о скорейшем напечатании моего труда я до сих пор не получал».

Во время своего выступления тюрколог напомнил также о содержании приложения. Часть приложений состояла из текстов неизданных восточных рукописей, хранившихся в Петербурге. Неожиданное решение и необъяснимая торпливость общества удивляли и настаивали востоковеда: «Я не считаю себя вправе обязывать другого работать за меня. Я никогда не решусь взять на себя перед ученым миром ответственность за такой из моих трудов, который был бы издан помимо меня».

Издание четвертой части «Исследования...» после скандала задержалось еще на семь лет. Первый выпуск четвертой части вышел в 1887 г. Есть основание предполагать, что издание происходило без участия самого автора. В работе очень кратко и сжато даны всего 1-й и 2-й пункты запланированного материала и отсутствует приложение. Автор планировал включить: 1) очерк истории г. Касимова; 2) историю рода касимовских царевичей, потомков Василия Арслановича; 3) обзорные роды, происшедших из Касимова. В конце автор хотел поместить приложение с родословными таблицами и алфавитным указателем имен, литературы и источников ко всем частям монографии. Даже само изложение опубликованного материала не соответствует стилю тюрколога. Уже во время выхода третьей части материал четвертой части был готов и постоянно обновлялся, но почему-то она была опубликована в сокращенном виде. Правда, в первом выпуске четвертой части есть заметка о том, что приложение будет включено во второе издание. По некоторым данным, второй выпуск печатался в том же году, но по каким-то причинам в свет не вышел. В 1890 г. имела место попытка выпустить указатель литературы к монографии,

но работа так и не была доведена до конца. А описание знатнейших татарских и русских родов, происшедших из Касимова, отсутствуют. По данным на начало 1860-х гг., ученый составил небольшое собрание родословных значительных татарских родов, проживавших и в XIX в. в Касимове, выявил места погребения старинных касимовских родов сеидов Шакуловых и Максутовых и включил их в четвертую часть монографии.

В.Л.Котвич в одной из своих статей об ойратах (калмыках), опубликованной в 1919 г., упоминал о приложении к четвертой части монографии В.В.Вельяминова-Зернова. Речь шла о восточном источнике о Кашгарском крае – «Тезкерее Ходжеган» Мухаммад-Садыка Кашгари, написанном в 1768–1769 гг. Он отмечал, что подробное извлечение из этого источника с подлинными цитатами сделал В.В.Вельяминов-Зернов и что текст должен был войти как приложение №1 во второй выпуск четвертой части «Исследования...», но работа не была опубликована. Исследователю удалось ознакомиться со случайно попавшими к нему отпечатанными страницами (со 192-й по 272-ю стр.) данного выпуска. Как известно, опубликованный в 1887 г. первый выпуск содержал только 178 страниц. Если учесть, что первое приложение по порядку занимало страницы со 192-й по 272-ю, то нетрудно догадаться, что планируемая четвертая часть монографии была не тоньше остальных томов. Отрывок из вышеупомянутого источника В.В.Вельяминов-Зернов привел во второй части своей монографии и отмечал, что неполный его перевод хранится в Азиатском музее Петербургской АН. Одним из приложений должно было стать также сочинение «Абдулла-наме» Хафиза Таныша (кон. XVI–XVII в.).

В приложениях к четвертой части работы под таблицей №1 должен был быть помещен план г. Касимова, датированный 1775–1780 гг., под таблицей №2 подразумевался новый проект плана г. Касимова, составленный в 1780 г. Комиссией строения Санкт-Петербурга и Москвы. Данный план был изображен в Книге чертежей и рисунков в первом собрании «Полного собрания законов», но строение города было дано в общих чертах. В.В.Вельяминов-Зернов свой вариант плана сделал цветным, в большом масштабе со старинной, более подробной копии, которая находилась у него на руках. К сожалению, разработки ученого свет не увидели и не сохранились.

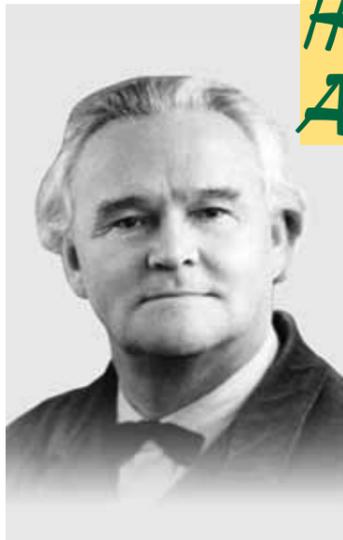
Проследить дальнейшую судьбу рукописей четвертой части монографии исследователи пытались и в советский период. В декабре 1935 г. заведующий библиотекой Ленинградского Восточного института Калеман, учитывая упоминание В.Л.Котвича о приложениях В.В.Вельяминова-Зернова, обратился в архив АН

с запросом сведений о данных материалах. Но в архиве их не оказалось.

В начале своего исследования о Касимовском ханстве В.В.Вельяминов-Зернов развил концепцию, которая получила зарождение еще в трудах ученых XVIII – начала XIX в. Идея состояла в том, что дальновидный великий князь московский Василий II искусственно создал буферное татарское государственное образование для защиты русских земель от соседних кочевых орд, а также для будущего легкого завоевания Казанского и других постордынских ханств. Но уже в начале труда наблюдается, что ученый, в виде разрозненных размышлений, ставит под сомнение выдвинутую им же самим концепцию. Углубленное изучение истории Касимовского ханства, выявленные в процессе работы источники, изменили мнение автора об объекте его исследования, и он отошел от своей первоначально выдвинутой идеи, что нашло яркое отражение в самом труде.

По ходу исследований В.В.Вельяминов-Зернов начинает рассматривать Касимовское ханство как одно из постордынских ханств, но находившимся в вассальной зависимости от Русского государства. Ученый подчеркивал сложность взаимоотношений между русскими и касимовскими правителями, указывая на взаимовыгодность и союзничество при завоевании татарских ханств. Вельяминов-Зернов привел несколько источников, указывавших на то, что в пользу касимовских правителей шла дань от русских князей. Эта неоднозначность отношения между сторонами привела к тому, что даже после того, как необходимость отпала, русское правительство не имело возможности уничтожить Касимовское ханство с применением силы и в течение XVII в. вело дипломатическую политику, направленную на его ликвидацию, – к данной мысли приводят отдельные размышления В.В.Вельяминова-Зернова. Эти взгляды не были доведены ученым до логического завершения, до уровня новой концепции. В.В.Вельяминов-Зернов не был готов открыто разрушить стереотипы, сложившиеся в историографии из-за политизированности рассмотрения проблемы. При этом он был слишком добросовестным исследователем, чтобы вводить в заблуждение своих читателей. Им была подготовлена почва для дальнейших изысканий по проблеме, и его заслуга в этом направлении очевидна.

Болезнь, вынужденный уход из Академии, незаинтересованность ее членом в новом объекте его изысканий (история Крымского ханства с привлечением источников итальянских архивов), незавершенность опубликованной последней части «Исследования...» и в связи с этим разрыв с Русским археологическим обществом привели В.В.Вельяминова-Зернова в отчаяние, что способствовало его разрыву с научным Петербургом. Последние годы жизни он провел в Киеве. Трудно сказать, почему Петербургская АН так пренебрежительно отнеслась к готовым материалам четвертой части монографии востоковеда и почему Русское археологическое общество было столь категорично настроено на завершающем этапе издания монографии. Анализ биографии В.В.Вельяминова-Зернова позволяет сделать вывод: более детальное и масштабное изучение ученым истории татар вышло далеко за рамки запланированной Петербургской АН и Русским археологическим обществом работы по исследованию старины, в связи с чем разработки ученого перестали быть востребованными.

НУРИ АРСЛАНОВ

Нури Газизович Арсланов (19 сентября 1912 — 12 апреля 1991) — татарский советский поэт, переводчик, лауреат премии Республики Татарстан имени Г. Тукая. Родился в городе Петропавловске Казахской ССР. В 1928 году окончил школу-семилетку в городе Кокчетаве и для продолжения образования уехал в Казань. До 1931 года учился на художественном отделении Казанского техникума искусств, после окончания которого работал преподавателем татарской литературы и рисования, художником-оформителем в городах Средней Азии и Дальнего Востока. В 1933 году приехал в Казань и работал художником в редакциях татарских журналов.

В 1939 году Н. Арсланов участвовал в боях с белофиннами, командир миномётного расчёта.

Участник Великой Отечественной войны: с июля 1942 — командир роты 364-го стрелкового полка (Калининский фронт). В битве за город Ржев в августе 1942 года был тяжело ранен в левую ногу и госпитализирован. За выполнение боевых заданий был награждён орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

После войны работал художником в газете «Совет Татарстаны», в 1964—1972 годах — заведующим отделом поэзии журнала «Казан утлары».

Наше озеро

Вкруг озера по берегу
Тальник растёт густой
Раздолье в каждой заводи
Здесь птице водяной.

Блеснет, резвясь на солнышке,
Серебряный малек,
В жару повеет с озера
Прохладный ветерок.

В затишье безмятежная
Вода — стеклу под стать,
Подует ветер — нежною
Покроет рябью гладь.

Пригонит стадо к вечеру
На водопой пастух...
Нет места нам для отдыха
Красивее вокруг.

Как золотится озеро
Ночное при луне!
В нем звезды отражаются,
Качаясь на волне...

1949 г.

Как девушка без зеркала —
Без озера село!
Пригоже ли, нарядно ли:
Увидеть не могло.

Луга, бывало, выжженным
Желтели пустырем...
Сегодня песнь хвалебную,
Друзья, воде споём!..

Когда везде раскинется
Полей, лугов ковер,
Когда дубки над пустошью
Поднимут свой шатер,

Заколосятся тучные
Хлеба в родных полях
И сухой забудется
В ликующих садах,—

Знай: возрождённому этому
Причина — водоем.
Раздольную, хвалебную
Мы песнь воде поём!

Посмотришь на колхозные
Луга, поля, сады,—
Вода нужна, как воздух, нам,
Нет жизни без воды.

Земля к тебе заботлива,
Не будь пред ней в долгу.
На славу труд наш: озеро
Сияет на лугу.

Вокруг него по берегу
Тальник растёт густой,
И веет ветер с озера
Прохладой в летний зной.

1949 г.

Переводы С. Обрадовича

ДЕВОНСКИЕ ФОНТАНЫ

1. В ПУТИ

В пути, где ново все окрест,
Поведал мне сосед,
Что где-то здесь глухой разъезд

Он помнит с малых лет.
Одна тянулась колея,
И встречных иногда,
Тащась в далекие края,
Здесь ждали поезда...

А поезд наш бежит, бежит.
К окну прикован взор:
Равнина вдоль путей лежит
Напротив синих гор,
И нефтебаки там и тут
Шеренгами стоят
Как городок из белых юрт
Они на первый взгляд,
И вышки, поотстав вдали,
Как будто шлют привет.
А тучки, словно корабли,
Плывут за нами вслед...

Вот город — слава здешних мест.
Глянь на его красу:
Какой же тут глухой разъезд?
Тут станция Урсу!
Где глохла дикая трава —
Сплошь корпуса растут,

И, как железная канва,
Пути скрестились тут.
Везут для строек поезда
Запасы кирпича,
Цистерн несется череда,
На стрелках грохоча,
Земля дрожит, и паровоз
Глушит свистками гром колес.

Еще не кончен мой маршрут,
Но сердце с мыслью в лад
Волнуется: я знаю, тут
Отрыт несметный клад.
Еще сокровище одно
Обрел мой край родной,
Искрится радость, как вино,
Сполна владеет мной:
Увижу всей страны расцвет
Я на своем веку!
Вот новый город,— с юных лет
Он стал Вторым Баку.

1950 г.

2. ДЕДУШКА САЛИМ

Вдоль крутой горы
На краю села
К вышке тропка нас
Напрямик вела.
С дедом сели мы
На отлогий склон,
И, взглянув вокруг,
Начал сказку он:

— В старину здесь ключ
Под землею был,
Жаркою струей
День и ночь он бил.
Только кто же мог
Ему цену знать?
И меж горных круч
Провалилась падь,
И обвал тот ключ
Придавил горой,
И лежит века
Он в земле сырой...
Сын, зарой отца,
Если умер он,
Но нельзя зарыть
Дорогих имен.
Как никто меня
Не оспорит тут,
Так не спрячься клад
Навсегда под спуд.

Неспроста, видать,
Много лет назад
Богатеи здесь
Побывали, брат.
Фаязон везла
Пара птиц-коней,
Рылись господа
Здесь немало дней.
Не терпелось им
Дивный клад сыскать,
Да ни с чем они
Повернули вспять...

А сейчас, гляди,
Все пошло вперед,
Как трудиться сам
Принялся народ.
Словно в сказке тут,
В дол сойды с горы,
Великан-батыр
Запалил костры.
И земной огонь
Наши люди жгут,
И бесценный клад
Добывают тут...

Говорил Салим
Горячо, с огнем,
И подумал я
Про себя о нем:
«Что же сказку вдруг
Дед Салим прервал
И про нашу жизнь
Говорить он стал?
А ведь в сказке той
Был и склад и лад,
Были кручи гор,
Был волшебный клад».
Кончил дед рассказ,
Мы сидим, молчим,
И уж все как есть
Нам понятно с ним:
Ведь у нас теперь
Счастьем жизнь полна,
Будто сказкой впрямь
Расцвела она.

1950 г.

3. ПЕСНЯ

Что за место! Загляденье!
Все ласкает взор.
Здесь родится вдохновенье,
Здесь — мечтам простор.
Эх, Бавлы, любовь моя,
Знаменитые края!
Здесь все улицы прямы,
Широки, как сами мы.
Будешь близко,— по пути
И Бавлы ты посети.
Эх, бавлинская краса —
Горы, доли и леса,
Гладь асфальтовых дорог,
Наш народ, чей путь широк,
Синь студеная ключей,
Тишь серебряных ночей!
Ярко улицы сверкают,
Светом залиты,
На лугах благоухают
Травы и цветы.
Эх, мой город, мой Бавлы,
Ты достоин похвалы!
В поле вышки встали в ряд,
Огоньки твои горяты,
Всюду, всюду ты со мной,
Юный город нефтяной!

1950 г.

Переводы Б. Иренина

Пророк МУХАММАД (салаллохи алайхи вассалам)

ХАДИСЫ

Если Аллах хочет добра своему слуге, то очистит его перед смертью. Спрашивали: «Каким образом очищает его?» (Пророк (с)) сказал: «Вдохновляет его к совершению доброго дела и при исполнении отнимает душу у него».

Когда Аллах хочет творить что-либо, никто не может препятствовать Ему.

Наилучшая словесная милостыня — заступничество, через которое освобождаешь пленника и предотвращаешь кровопролитие и приносишь пользу и добро для своего брата и предупреждаешь зло от него.

Примирить двух (враждующих) — есть наилучшая милостыня.

У кого есть ум — спасется.

Когда не можете изменить что-либо, потерпите пока Бог не изменит.

Если кого-нибудь из вас охватывает гнев — пусть сядет, если стоит, а если сидит (при этом), то пусть ляжет (дабы не действовать).

Помни о Боге — он твой помощник в делах.

Пользуется уважением больше всех тот, кто не вмешивается в дела, не касающиеся его.

Помилуй тех, которые находятся на земле, чтобы помиловал тебя Тот, который находится на небесах.

Лучшее дело после веры в Бога — есть дружба с людьми.

Если (вдруг) начнется День Суда, и в этот день в руках у одного из вас останется саженец, то он должен посадить его, если успеет.

Бог наставлял вас к стараниям, так старайтесь!

Самые совершенные из верующих — те, которые обладают большим добронравием, и самые добрые из вас — те, которые больше всех добры в отношении жен своих.

Смотри, ты ничем не можешь превосходить краснокожего или чернокожего, кроме как чистотой нравов.

Аллах подкрепляет Ислам и через мужей немусульман.

Как только муж смотрит на свою жену, и жена смотрит на своего мужа, Бог с благословением созерцает их.

Бог не сотворил ни одной болезни без того, чтобы определить лечение его...

Сердце людское подобно воробью — каждый день меняется семь раз.

Бог красив и любит красоту. Бог щедр и любит щедрость. Бог чист и любит чистоту.

Ваша вера становится ветхой как ваша одежда. Попросите Аллаха, чтобы обновил вашу веру в ваших сердцах.

Знайте: Самый зоркий глаз тот, что устремлен к добродетелю.

Знайте: Самый острый слух тот, что внимлет словам для бодрствования сердца.

Знайте: Довольство и владение над (своими) телесными желаниями — величайшая чистота и непорочность.

Знайте: Ваше существо оценится только Раем и ничем, кроме Рая. Смотрите, не продешевите себя.

Знайте: Мудр тот, кто принимается за дело, тщательно обдумав и все предусмотрев.

Знайте: Незнающему не нужно стыдиться приобретать знания, ибо мера каждому — знания.

Пробудитесь! Пока (ваши) языки свободны и (ваши) тела здоровы и в вашем распоряжении арена широка, возможностей много, и смерть пока не наступила — действуйте!

Долг — это унижение.

Наилучшая дружба — есть дружба сына с друзьями своего отца.

Доброта — есть добрый нрав, и грех — есть те дела, о которых ты, может быть, думаешь, но считаешь непристойным, чтобы и другие знали.

Тот, кто порывает семейные (и родственные) узы, не войдет в Рай...

Вино — это глава всех грехов.

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

Акчурин Р. С.

Председатель редсовета. Президент Некоммерческого партнерства «Ватаным» («Мое Отечество»), академик Российской академии наук, почетный академик АН Башкортостана, Казахстана и Татарстана, кардиохирург

Алишина Х. Ч.

доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета

Асадуллин Р. М.

президент Башкортостанской организации «Ватаным», ректор Башкирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор

Ахметшин Р. К.

заместитель Премьер-министра Республики Татарстан – полномочный представитель РТ в Российской Федерации

Володарская Э. Ф.

член правления «Ватаным», ректор Московского института иностранных языков, главный редактор журнала «Вопросы филологии», академик РАН

Давлетшин Г. М.

доктор исторических наук, профессор Казанского федерального университета

Мир-Хайдаров Р. М.

писатель, заслуженный деятель искусств РТ, почетный гражданин Казахстана

Нигматулин Р. И.

член правления «Ватаным», академик Российской академии наук, научный руководитель Института океанологии РАН

Рахим Теляшев

журналист-краевед, писатель-историк, заслуженный работник культуры РТ, г. Санкт-Петербург

Ренат Харис

лауреат государственной премии РФ (2006 г.), народный поэт Татарстана

Фаиль Ибяттов, член Союза журналистов России

Крушиняны (польск. Kruszyńiany) – небольшая деревня в Подляском воеводстве Польши, основанная в 16 веке и подаренная татарам 12 марта 1679 года королем Яном III Собеским за их заслуги в защите границ Речи Посполитой. 4 августа 2019 года здесь, на территории Центра агротуризма «Татарская Юрта», прошел очередной Сабантуй.

Праздник был организован при содействии Татарского культурного общества, Центра образования и культуры польских мусульманских татар, мусульманской религиозной общины в Крушинянах. Главным инициатором проведения Сабантуя является семья Богдановичей, которые из года в год занимаются продвижением татарской культуры и кулинарного мастерства в Польше. Мероприятие объединило представителей татарской нации, проживающих на территории Европейского Союза, также Беларуси и Московской области.

Праздник начался со встречи участников возле мечети и посадки символического дуба по случаю 340-летия создания татарского поселения в Крушинянах. После азана и молитвы о покое и справедливости для всех людей во всем мире состоялся парад участников и гостей. В ярких татарских национальных костюмах, с песнями прошли по деревне гости из Литвы, Эстонии, Финляндии, городов Минска, Калининграда, Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Казани, Уфы, а также из Республики Крым.

Официальное начало Сабантуя было представлено в виде инсценировки передачи земли Королем Собеским татарам в Крушинянах.

Выступление Татарского танцевально-вокального ансамбля «Бунчук» зрители встретили бурными аплодисментами. Яркие, зазорные пляски, задушевные песни группы «Эфсане» из Литвы чередовались не менее запоминающимися выступлениями гостей из Казани, Московской области и Калининграда.

Порадовал гостей Сабантуя показ мод в татарских костюмах, мастер-класс по плетению венков, уроки Пшемек и Веславы Навроцких по метанию копья, спортивные игры с Радеком Ласковским, демонстрация

работы пограничной службы и т.д. Также организаторы подготовили для зрителей реконструкцию Битвы под Парканами в 1689 году.

Праздник плавно перетек и на другие площадки. Татарские игры и забавы, особенно традиционные, такие, как бег с коромыслом, перетягивание каната, бой мешками на бревне, борьба «куреш» никого не оставили равнодушными. О духовной жизни польских татар рассказывали многочисленные экспозиции и выставки, среди которых особо хочется отметить фотовыставку

Завершился праздник долгожданным фейерверком и дискотекой, где не только татары, но и местные поляки с удовольствием танцевали под лучшие хиты татарской эстрады.

Гостей Сабантуя также поприветствовал от себя и от имени федеральной просветительской газеты «Татарский мир» известный политик и заместитель председателя РТНКА Московской области Фаиль Мужипович Ибяттов, который был официально приглашен организаторами Сабантуя в Крушинянах.

польско-литовских татар. Татары составляли значительную часть конных войск Великого княжества Литовского.

Антуан Грамон после московского похода Яна Казимира 1663—1664 гг. вспоминал про татар в армии Речи Посполитой: «Далее следуют татары, которых, победив, великий князь литовский привел с собою много целых семей, которые он затем разместил в Литве для заселения края. Они владеют свободными именьями, но не имеют ни ранга, ни голоса между дворянством. Они также составляют легкую кавалерию, хорошо снаряженную и вооруженную, как казаки, и отличаются от последних только тем, что не имеют кольчуги. Их плата — тридцать ливров в квартал».

В XVIII веке в войске Речи Посполитой насчитывалось несколько татарских полков. В Российской империи в 1797 году, на правах казачьего был создан литовско-татарский конный полк. В 1812 году в гвардии Наполеона был сформирован эскадрон литовских татар.

В 1919 году в составе польской армии Юзефа Пилсудского сражался полк татарской конницы имени Мустафы Ахматовича, а командиром белорусских подразделений был татарин Гасан Конопцки. Некоторые татары-липки (Матвей Сулькевич, Леон Крычинский) в свое время приложили безуспешные усилия к становлению независимых государств.

По данным переписи населения 2011 года, татарскую национальность декларировало 1916 человек, в том числе 665 как единственную. В Подля-

ском воеводстве сохранились две татарские деревни с мечетью и мусульманским кладбищем: Крушиняны и Бохоники. Кроме того, татары живут в Гданьске, Белостоке, Варшаве и Гожуве-Велькопольском.

С 28 декабря 1925 года в Польше действует Мусульманский религиозный союз (правление находится в Белостоке), а с 1992 года — Союз татар Республики Польша (автономные отделы в Белостоке и Гданьске).

Телеканал TVP Białystok выпускает ежемесячную программу «Podlaski Orient», посвященную татарскому меньшинству, а канал Edusat — программу «Tatarskie ślady», посвященную татарам, рассеянными по всей территории Польши.

САБАНТУЙ В КРУШИНЯНАХ

«В этом есть что-то необычное! Повести о Крушинянах», подготовленную Ассоциацией этнографических исследований. Эта выставка - синтез прошлого и настоящего, где локальные сцены вплетены в общий панорамный сюжет, рассказывающий об истории жизни польских татар.

В татарском уголке вкуса состязались дети и взрослые в приготовлении салмы, токмача. Также демонстрировали свои кулинарные изыски известные повара Польши. В татарском кафе гости и участники дегустировали всевозможные татарские блюда, в том числе перемьячи, шавлу, самсу, пельмени. Всем по вкусу пришлись ароматный крымский плов и печеные на костре ягнята.

От редакции:

Первые татары пришли в Великое княжество Литовское из Золотой Орды вместе с бежавшим в Литву ханом Тохтамышем. В качестве самостоятельной этнической группы татарского народа сформировались в конце XIV — начале XV веков на территории Великого княжества Литовского из поступивших на службу к литовским князьям выходцев из Золотой Орды, позже из Большой и Ногайской Орд, Крымского ханства, в том числе потомков Мамая и его воинов. В первой половине XV века образовали вассальные Литве княжества — Джаглдаева тьма и княжество Мансура. На протяжении веков военная служба являлась основным занятием

ВНИМАНИЕ — ПОДПИСКА-2019

Уважаемые читатели!

Продолжается подписная кампания на второе полугодие 2019 года. Оформить подписку на газету «Татарский мир» можно во всех отделениях «Почты России» по индексу П3735 в каталоге «Почта России». Также вы можете подписаться в режиме «онлайн» на специальном сайте Почты России podpiska.pochta.ru. Мы ценим и уважаем каждого нашего читателя. И впредь будем стараться сохранять многолетний статус газеты, стремясь к непредвзятому осмыслению истории татарского народа, культуры и современных проблем. Мы продолжим публикацию материалов в рамках постоянных рубрик: «Выдающиеся просветители», «Восточная мозаика», «Мир искусства», «Парадоксы истории» и многих других. Любителей литературы будем знакомить с произведениями современных татарских писателей и поэтов. Самым маленьким нашим читателям адресована рубрика «Балам-багалмам». Наша газета всегда предоставляет возможность авторам и читателям обмениваться мнениями, публиковать свои статьи, иллюстрации и комментарии к ним. Мы благодарны вам за каждый визит в редакцию, письмо или звонок. Ваша критика и помощь позволяют делать газету интересной, насыщенной и актуальной. **Надеемся на дальнейшее сотрудничество!**

Главный редактор
Ринат Мухамадиев

Исполнительный директор
Лейсан Ситдикова

Заместитель главного редактора
Марат Сафаров

Художник-дизайнер компьютерной верстки
Султан Каримов

Ответственный за распространение газеты
Асия Старкова

Учредитель:

Некоммерческое партнерство содействия развитию институтов гражданского общества «Ватаным».

Газета зарегистрирована Министерством по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-18851 от 10. 11. 2004.

Адрес редакции:

115184, Москва, М. Татарский пер., д. 8.

Телефоны: (495) 951-16-94

E-mail: tatar.mir@yandex.ru

Подписано в печать

05. 09. 2019

Отпечатано в типографии

ООО «Фолук Групп».

Тираж 15 000 экз.